

Цви Найсберг

ДИАЛОГ ГЛУХОНЕМОГО СО СЛЕПЦОМ

Цви Найсберг

Диалог глухонемого со слепцом

«Издательские решения»

Найсберг Ц.

Диалог глухонемого со слепцом / Ц. Найсберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967336-7

Чужая душа — довольно частенько исключительно беспросветной черной мглы потемки, и до чего только нередко в ней совершенно же неизбежно имеется нечто тщательно скрываемое, словно бы в некоем потайном кармане. Даже и при самом близком контакте всегда остается нечто такое, что вовсе не будет раскрыто совсем ведь нараспашку, а потому и окажется оно никак не доступно, а в том числе и наиболее пытливо-остроглазому взору.

ISBN 978-5-44-967336-7

© Найсберг Ц.
© Издательские решения

Содержание

1	8
2	10
3	11
4	12
5	13
6	14
7	15
8	16
9	17
10	18
11	19
12	20
13	21
14	22
15	23
16	24
17	25
18	26
19	27
20	28
21	29
22	30
23	31
24	32
25	33
26	34
27	35
28	36
29	37
30	38
31	39
32	40
33	41
34	42
35	43
36	44
37	45
38	46
39	47
40	48
41	49
42	50
43	51
44	52
45	53
46	54

47	55
48	56
49	57
50	58
51	59
52	60
53	61
54	62
55	63
56	64
57	65
58	66
59	67
60	68
61	69
62	70
63	71
64	72
65	73
66	74
67	75
68	76
69	77
70	78
71	79
72	80
73	81
74	82
75	83
76	84
77	85
78	86
79	87
80	88
81	89
82	90
83	91
84	92
85	93
86	94
87	95
88	96
89	97
90	98
91	99
92	100
93	101
94	102
95	103

96	104
97	105
98	106
99	107
100	108
101	109
102	110
103	111
104	112
105	113
106	114
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Диалог глухонемого со слепцом

Цви Найсберг

*Наиболее веским доказательством правоты всех моих слов
служит, прежде всего, собственно, именно то, что я их вообще говорю.
Один очень претенциозный оратор*

© Цви Найсберг, 2019

ISBN 978-5-4496-7336-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Истинно полнокровная человеческая сущность, по всем уж вполне издревле ей всегдашнему присущим – фактически ведь каждодневным – стандартам, попросту никак не потерпит в самой глубине всех своих искренних чувств, а тем паче в ее почти что всецело незабываемом менталитете даже и признака той совершенно безбрежной пустоты всем небезызвестного космического вакуума.

Причем всякое, то безнадежно исподнее содержание человеческой души без каких-либо излишних прикрас составляют именно те вещи, что буквально у каждого из нас в его личном детстве было в самой что ни на есть непосредственной и более чем исключительно явной близости.

Правда, конечно, и сама по себе сколь извечно неумная жизнь, беспорядочно и довольно активно созидает все те мыслительные процессы буквально всякого так людского сознания.

Но это как раз именно детское бытие со временем и выковывает из всех зачатков личности ее более чем подчас весьма вот наглядные, и приметные, и полностью до чего недвусмысленно определенные контуры.

Однако сама по себе внешняя сторона души вовсе не столь вездесущи принципиально донельзя важна.

Поскольку наиболее затаенный смысл доподлинного содержания сосуда чьего-либо самого ведь исподнего нутра, безусловно, так всегда безукоризненно скрыт за крошечным мраком всяческой подспудной и обыденной повседневности...

И вот именно от того, чем это именно он заполнен, и будет еще зависеть, бросится ли человек спасать чужого ребенка, на которого с бешеной скоростью несется автомобиль с сильно загулявшей веселой компанией, или наоборот – не пошлет ли он кого-либо, дабы с кем-то вовсе не тем, эффективно и разом бескомпромиссно разделаться...

Уж все более чем однозначно, при этом сколь многозначительно списав на один лишь и только несчастный случай.

Чужая душа – довольно частенько исключительно беспросветной черной мглы потемки, и до чего только нередко в ней совершенно же неизбежно имеется нечто тщательно скрываемое, словно бы в некоем потайном кармане.

Даже и при самом близком контакте всегда остается нечто такое, что вовсе не будет раскрыто совсем ведь нараспашку, а потому и окажется оно никак не доступно, а в том числе и наиболее пытливо-остроглазому взору.

Уж слишком оно надежно в самых далеких глубинах души упрятано от всех тех нескромно любопытствующих, чужих глаз.

Человек – он вообще вот оказывается весь, как он есть, буквально на ладони, только при самых экстремальных обстоятельствах, которые при этом крайне так подчас уж будут сколь ежесекундно опасны для самого его физического существования.

И именно этак, а вовсе никак не иначе (в момент своей величайшей радости) почти что всякий тот или иной индивидуум полностью и до конца всецело раскрывает все сокрытое в наиболее дальних уголках его души.

Вполне вот естественно, что нечто подобное происходит в одно лишь разве что время и впрямь-то действительно выпавших на чью-либо долю сколь до чего суровых жизненных испытаний.

И это именно как раз тогда какой-либо индивид вполне полноценно полностью и проявит всю свою настоящую суть, то есть то самое заветное, что до той поры было в нем более

чем надежно сокрыто за всеми теми подспудными, внешними и, попросту говоря, довольно малозаметными факторами сколь неизменно одеревенелой и невзрачной обыденности.

2

А ведь довольно многие суровые передряги, если уж довелось им выпасть на чью-либо прискорбную долю, еще и впрямь столь непременно, набело сотрут с человека все его так называемое обыденное лицо...

Ему или ей быть уж тогда именно теми, кто до самого дна порою испил совершенно бездонную чашу горя, а посему их сердцем и станет затем заправлять именно тот внешний, попросту ведь выедающий всякую радость жизни ужас.

Да и более чем вероятно, что в них еще тогда разовьется сиюминутная неуверенность в своем грядущем завтрашнем дне.

Правда, не то чтобы с этим им и впрямь еще должно будет затем жить всеми теми исключительно долгими, безмерно томительными годами, а тем более и вправду так нескончаемо длительными десятилетиями...

Однако до чего и впрямь безукоризненно и безупречно довольно многое будет зависеть именно от того, с кем это их во всем том дальнейшем еще уж сведет великая затейница и шалунья хромая судьба.

Она бывает зла, а бывает добра, да только вовсе не быть ей хоть сколько-то милостивой к тем, у кого за плечами было столь немало лет самого разноликого горя.

3

И именно это и надо бы всем твердо и более чем безукоризненно вполне ведь полноценно осознавать, глядя буквально на все в этом мире крайне невзрачно порою происходящее, откуда-то явно исключительно со стороны.

Попросту нисколько нельзя взирать буквально на все то, до чего только несправедливо творящееся во всей этой жизни, разве что лишь со своей высокой колокольни.

Однако вот идеалисты-максималисты, эти яростные потребители чьего-либо всегда неизменно чужого литературного творчества, ничего иного вокруг себя, кроме тех двух наиболее действительно явных цветов, даже и в самой непосредственной близости от себя нисколько уж вовсе совершенно не различают.

Черное и белое – это все, что они вообще хоть сколько-то взвешенно и конструктивно способны более чем наглядно узреть во всей той весьма многоплановой человеческой натуре.

Причем все то довольно-таки искренне яркое, но никчемное, что всем своим пышным цветом еще явно кое-кому разом покажется чем-либо ни в едином своем глазу вовсе так совершенно не белым...

Однако, коли при этом всем его низменным мраком оно непременно пройдет перед их внутренним взором, как нечто нисколько-то вовсе никак не черное – уж тогда, безусловно, в их-то уме оно отныне будет более чем отчетливо заштриховано как нечто, без тени сомнения, весьма ведь сугубо строго коричневое...

Прокрустово ложе их трафаретных воззрений обо всей окружающей их жизни попросту никак не включает в себя ничего, кроме яркого света и нисколько непроглядной тьмы.

Ну, а также еще и извечной борьбы между ними, а потому счастье по их представлениям надо бы именно всеми силами смело завоевывать, а не идти к нему медленно, до чего тщательно выверяя при этом буквально каждый свой шаг.

Им-то вообще неизменно кажется, что человек – это попросту та еще бестия, а потому его и надо бы именно силою безотлагательно принудить к прогрессу, бесцеремонно навязав ему исконно доброе начало, а не пошагово и постепенно, а главное, еще и безо всяких рывков сколь вот медленно развивать его в нем...

4

А между тем каждый отдельный человек – это целая вселенная, а потому и подходить к нему со своей собственной меркой **УБЕРЕГИ НАС ГОСПОДЬ**.

Иные люди ведут себя по тем или иным канонам нравственности, кои им вполне уж знакомы и давно понятны, ну а чего-либо большего от них потребовать пока еще и в мыслях своих вовсе-то нисколько совершенно нельзя.

А чего тогда, без тени сомнения, действительно можно?

Так это одного лишь – куда более-менее верного соблюдения всеобщих этических норм и уголовного кодекса...

Да только вот этого дети радужных снов о том самом весьма еще отдаленном идеалистическом будущем (дай Бог, чтобы оно некогда действительно наступило) не приемлют вовсе ни под каким его видом...

5

Ну, а еще же подобным баловням благой судьбы неизменно претит та самая невзрачная правда, столь беспардонно свербящая в их глуховатое ухо о том, что все мы в принципе дети всей окружающей нас реальности, а книги ее только лишь подчас обрамляют, причем никак так нисколько вовсе-то и не более.

Всех нас блаженных ведет под ручку барыня судьба по одному лишь ей заведомо ведомому пути?

Нет, это, конечно, полнейшая чушь!

А все-таки элемент чистой случайности, да и не столь редкой удачи порою является одним из важнейших весь наш внутренний мир более чем однозначно всецело формирующих факторов.

И пусть это далеко не каждому через какой-то час с небольшим еще предстоит сделать твердый выбор, который, между тем, за него никто и никогда не сумеет совершить, даже и при самых наилучших к тому намерениях.

6

А выбор этот бывает довольно затруднителен, а к тому же порой он до сущего мучения весьма и весьма обременителен, а главное, еще и нисколько непонятен всякому тому, кто смотрит на данного индивидуума откуда-то явно со стороны.

Уж ясное дело, никак так не сможет он взять себе в толк, от чего это именно ему столь и впрямь изнурительно трудно стать на тот более чем здравый путь, по которому до чего уверенно бредут все ему подобные.

Тем более что делают они это и впрямь довольно-таки легко, весело и плавно...

Однако сколь многое из вполне состоявшегося в душе зрелого человека, несомненно, еще будет зависеть именно от его более чем первоначального исходного начала, а вовсе не от того великого царства новых возможностей, что вдруг пред ним открывают свои до чего так и впрямь широченные двери.

Причем всех и каждого, кто еще в детскую пору прошел сквозь сущий ад нисколько не забываемой социальной клоаки, яркий свет чьей-либо чужой души может уж в том числе и нестерпимо яростно обжигать.

Но это, правда, должно быть разве что именно относительно временным явлением, главное – выдернуть человека из всего того быта, что довольно давно для него до самого конца полностью так вполне же определился, а потому и более чем незыблемо во всем устоялся.

А самым обычным и сколь толково выверенным подходом всего этого вряд ли что удастся более чем полноценно и безупречно разом достигнуть.

Ну а потому и надо бы срочно начать изыскивать какие-либо стоящие того альтернативные пути.

Правда, почему это вообще надо бы смотреть разве что лишь на самое наихудшее, когда вокруг столько безоблачно радостного и сказочно прелестного?

Однако все те довольно общие параметры в целом всецело восхитительно радушной обыденной жизни вовсе-то не всех столь бесподобным образом и впрямь исключительно так ласково и счастливо, а не железными лапищами действительно касаются.

7

И если у кого-то все более-менее вполне вот благополучно сложилось, слава тебе Господи, как-либо светло и радостно до конца уж иначе, чем у кого-либо, значит, другого, то разве будет в том кем-либо проявлено вполне стоящее подобного определения знатное геройство, коли он, положительно вот имея свободный доступ ко всем тем задушевным благам всего-то, что явно не преминет ими буднично и делово, впрямь-то искрясь от удовольствия, здраво воспользоваться?

Жить-то себе по-людски, ни в чем действительно хорошем себе нисколько не отказывая – это лишь простое удобство, и никак не более того.

Однако вовсе это никакой не подвиг, а скорее более чем элементарная заслуга целой череды чьих-то предков, которые попросту загодя подготовили почву для эдакой светлой и благой жизни.

Да только коли вдруг до чего незатейливо появляется нечто такое, что сколь незамедлительно и беспрецедентно нарушает весь мир и покой чьей-то до чего и впрямь благородно воспитанной души...

Уж как раз именно тогда и выявляются чьи-то доселе совершенно скрытые черты, и надо же – все благие намерения по отношению ко всему тому разноликому миру куда-то сами собой разом еще растают в сущее небытие.

8

Вместо них непонятно откуда вдруг обнаруживаются черты исключительно скотские, только-то разве что еще же изначально тщательно прикрытые неким внешним лоском цивилизации.

Однако где-то глубоко изнутри более чем наглядно содержащие ту самую и впрямь-таки сдавленную извне цивилизованной оболочкой, только лишь значительно поболее утонченную дикость.

И все же это одни те события, сколь немыслимо зловредно мешающие повседневному житейскому умилению современного культурного человека, самим, как и понятно, исключительно разве что только собой...

И как безмерно легко будет чему-либо подобному еще уж затем пробудить в его светлом духовном облике черты сколь всепоглощающе лютой тьмы.

И этакого рода иссиня-черные чернильные кляксы воинственно отпетого нигилизма более чем естественно само собой образуются из всего того обманутого слепыми ожиданиями света в сколь искренне некогда изначально доброй душе, разве что вовсе никак не имеющей твердой основы в вязкой грязи, пока еще, безусловно, во многом отъявленно дикого настоящего...

9

А потому до чего и впрямь-таки конкретно столкнувшись со всеми теми донельзя темными сторонами всей общественной жизни, кто-то ведь весь из себя безупречно сияющее-светлый...

Причем, ясное дело, всем тем духовным ликом своим, а также еще и весьма так небезгрешною плотью...

Нет, далее нисколько не станет он стесняться и до чего и впрямь тщательно разбираться в средствах по достижению всех своих более чем благих, а порой и блажных целей.

Но разве все дело в том, что внутри некоторых излишне прилизанных культурой и цивилизацией людей действительно таится некое свирепое чудовище?

А этого, между тем, вовсе вот нет как нет, да и быть его, кстати, и близко совершенно не может.

Однако вся ведь беда именно в том, что столь непременно есть в подобных людях некая явная искусственность и аморфность, происходящая от сущего книжного восприятия всей как она есть обыденной жизни...

Добру попросту должно именно что восторжествовать, ну а зло должно быть повержено и наказано, вот уж и все!

Все остальное – попросту гнуснейшая и совершенно несуразная чепуха!

Те, кто мыслят именно так, неистово слепо идут за общим для всех их стадным инстинктом, только лишь разве что средства серьезно видоизменились: вместо топчущих ног столь же яростно втаптывающие в грязь слова...

И сама та до чего неистово могучая смелость при сколь «доблестном» претворении в жизнь эдакого рода действий всецело обеспечивается именно той крайне беспечной отдаленностью самих-то себя от каких-либо сугубо конкретных весомых дел.

Двигать людьми-фигурками – это и есть тот самый великий блеск всей этой нашей новой просвещенной эпохи.

10

Да только жизнь одного ли человека или всего человечества в целом всегдашнее еще может зависеть и от всей полноты амбиций малой кучки недалеких людей, попросту неспособных внимать светлому и большому разуму, а разве что неизменно лелеять свои широкие и изящные, да и весьма изощренные... самые так повседневные мысли и чувства.

И, кстати, вседозволяющего недопонимания в них как раз уж поболее всего именно от того, что слишком они слепо закрыты буквально для всякого и каждого, в ком нет их собственной «искры Божьей».

Они вполне могут быть сколь холодны и упрямы в своих более чем беспечно безбожных полуискренних заблуждениях относительно чьего-либо всецело чужого им недобра.

Да только при этом им явно сколь так еще обязательно окажется свойственно быть чрезвычайно ведь снисходительными к своим собственным подчас более чем излишне беспечным слабостям.

Им-то попросту никак не доступно простое и ясное понимание принципиально далеких от них, да и никак вовсе совсем этак непонятных им бед и несчастий чрезвычайно одинокого человека, а он, между тем, совсем не в том сходу нуждается, чтобы его тут же, не сходя с места, с нежною ласкою трепетно отогрели.

11

А между тем при подобного рода тяжких коллизиях было бы исключительно явно, значительно поважнее повести сколь откровенную беседу, и, ясное дело, чего это ради... А именно – дабы в первую очередь более чем безбоязненно сурово обнажить все чье-либо истинное людское начало.

Причем оно и впрямь еще может оказаться исключительно исподним и с самого детства безобразно загаженным...

Но разве в этом вся проблема...

Нет, вся беда именно в том до чего и впрямь исключительно безнадежном (а в особенности, если оно и впрямь-то еще и крайне настойчивое) бездумном ковырянии в чьих-либо так и оставшихся детскими дырявых подштанниках...

Поскольку то, что там внутри, может разве что чьи-то руки довольно надолго серьезно испачкать.

Ну а действительно выгрести все их содержимое... Нет, ни у кого вовсе не будет к тому ни малейшей вообще уж возможности.

Однако если разве что лишь немного копнуть деятельно и небрезгливо, дабы весьма вот ответственно заглянуть именно внутрь чьей-то сколь невзрачной души, то лишь оттого надолго вовсе-то нисколько не замараешься.

Надо бы только разве что при этом быть более чем смиренно готовыми безо всякого насилия стерпеть весь тот гниловатый афронт, что непременно еще из кого-либо явно польется наружу...

Однако его более чем подлинное всеобилие ничего же хорошего о человеке буквально так сразу нисколько не скажет.

12

И главное, мало-помалу посылно изменять весь окружающий нас мир к чему-либо сколь делово и основательно лучшему или, безнадежно вот сетуя на все настоящее, сладостно мечтать о чем-либо чистом и безоблачно благостном – разве это можно хоть в чем-либо даже и издали действительно сравнивать?

А в особенности, если паразитически при этом всласть питаться чужими светлыми думами и безудержно возвышенными эмоциями...

Нет – это совсем не одно и то же.

Во имя осуществления всего того положительного, что со временем действительно еще приведет к настоящей, а не липовой прополке всех сорняков прошлого, надо было бы жить именно зрелой мыслью.

Однако российские интеллигенты явно вот всегдашние так предпочитают жить излишне изысканными, восторженными фантазиями, гнездящимися в самой глубине довольно-то многих из их сердец.

Причем некоторые из больших писателей во всю силу своего таланта немисливо изошренно преображают весь этот белый свет во что-то, ему пока никак еще нисколько не свойственное, а потому на данный момент и нигде совершенно же нисколько не существующее...

И надо бы более чем безукоризненно осознать всю разницу меж проглянувших в крайне острой ситуации в чьем-либо светлом лице черт откровенного зла и тем человеком, что попросту исключительно безбожно потускнел всем обликом своим, однако при этом именно так разве что вследствие весьма тяжких внешних условий.

И ведь случилось это именно, поскольку был он довольно-то ежечасно отягощен всеми теми тяжелейшими бытовыми веригами, а потому и судить его надо бы непременно уж во всем ведь иначе.

Раз основною причиною нравственного оскудения всей его души стало именно то, что ему всю его жизнь чего-либо попросту никак совсем не хватало, но и не более того...

Внешняя чистота – это, в принципе, дело исключительно наживное, а если и нет, то вот достаточно быстро от кого-либо довольно поспешно отпрянув, чужой нечистоты духа во всем его переизбытке сразу так и близко вовсе-то никак нисколько не наберешься...

Ну а тот подчас даже и чрезмерно чуткий такт, как и всякая житейская задушевность, попросту еще должны были явно вот сочетаться с доподлинным и вовсе не напускным пониманием весьма внятных требований всегда уж нарочито навязчивой реальности...

13

Грязь – она исключительно вездесуща, и ее можно разве что лишь везде углядеть, да и, собственно, переделать все ее свойства сколь однозначно так явно на пользу истинно светлого разума... В том же случае, когда с нею весьма вот до чего расторопно, со всем тем ранее и небывалым энтузиазмом до чего ведь старательно расстараются попросту нигде и никогда нисколько не соприкоснуться светлой душой...

То уж тогда сам собой и возникнет тот иллюзорно-чистый мир, который, между тем, еще непременно и сколь безутешно во всем обязательно окажется грязен буквально везде, где того (по всеобщему молчаливому согласию) отныне уж станет никак не прилично ведь, собственно, хоть сколько-то вообще примечать.

А между тем нисколько нельзя до чего зорко так глядеть поверх черноты ночи всего общественного невежества, видя при этом одни лишь те неотвратимо надвигающиеся дни более светлого завтра вполне ведь добротных идей.

Этим разве что только отравишь колодезь людской мудрости исключительно отвлеченными от всякой действительности безмерно немислимо благостными ожиданиями.

Ну а коли была слепая и самодостаточная толпа заискивающе расторопно раскрепощена всеми теми бестрепетно благими, суровыми воззваниями, то вот именно тогда тот наспех оседланный народ еще столь непременно окажется только-то и всего, что явно способен на одно лишь никем ранее и не слыханное насилие над всем тем вчерашним (для него лично) отвратительно несуразным прошлым.

14

И люди при этом более чем безотчетно могут всем сердцем своим разом возненавидеть друг друга.

А как же еще оно могло быть иначе, коли толпа, отчаянно возлюбив воспламеняющие души идеи, стала черства и полностью равнодушна буквально ко всяческому чужому горю.

Все старые мысли и чувства были теперь, казалось бы, навсегда так мертвы.

И произошло это нынче именно от одного лишь совершенно безбожного отсутствия всяческого взаимопонимания промеж людьми на почве нынешней сколь явной их отныне вот буквально вездесущей фракционности.

И это именно она и разрушила ту некогда доподлинно так существовавшую основу для обоюдной и весьма уж всецело существенной взаимоподдержки...

Причем речь тут идет именно о факторах, столь жизненно необходимых для всякого нормального функционирования явно ведь и впрямь несколько непростых механизмов всего общественного бытия.

Суровое одиночество народа, как и постоянное его обкармливание сладкой патокой восторженных лозунгов, вовсе-то ни в чем и близко не поспособствовали возникновению царства сладких и волшебных снов.

И совершенно зря о нем до чего трепетно и бойко во сне и наяву грезили люди, попросту совсем отшатнувшиеся от всей той кучи житейского навоза, что в принципе и должна была еще послужить наиболее подходящим исходным материалом для... истинного светлого будущего.

15

Над интеллигентным обществом дореволюционной России всегда крайне так неправо царило явное незнание самых элементарных законов общественной природы.

И незнание это было принципиальным, последовательным и до самого конца во всем уж бестрепетно исключительно пунктуальным.

А между тем именно это в конечном итоге и повлекло за собой более чем никчемную, неумную и крайне кичливую риторику, напыщенно и громогласно призывающую к самому скорейшему распутыванию до чего не в меру громоздкого гордиева узла немислимо долгими веками нисколько не решаемых российских проблем.

16

А между тем двигать вперед всеобщий духовный прогресс явно уж следовало именно что безо всякой той сколь совсем не в меру возвышенной над всем этим безыдейным миром сущей суровой упоенности.

Поскольку именно на данной почве и возникла затем та социальная философия, что довольно-таки искренне весело взяла себе за труд фактически полное обезличивание всего того довольно повседневно окружающего нас мира, оставив ему одну лишь плохо и исключительно формально усвоенную «природную» целесообразность.

А между тем мать природа мыслит (и именно мыслит) миллионолетними, а не жалкими годами, а потому ее никак нельзя брать себе за хоть сколько-то существенный образец, наспех устраивая всяческие большие общественные преобразования.

17

И это именно в свете более чем полноценно здорового осознания явной и безусловной невозможности в один миг беспронизышно преобразовать весь мир к чему-либо несказанно лучшему во многие сердца украдкой и закралась ненависть буквально ко всему, что, по их воинственно прекраснотушным представлениям, и вправду мешало их устремлениям к невообразимо лучшей жизни.

Да и сколь незаметно она затем и заняла же место, ранее занимаемое любовью, честью, а также еще и простым человеческим достоинством.

Обо всем этом некогда исключительно взвешенно и хорошо высказался большой писатель Алексей Толстой, причем случилось это еще же задолго до того самого дня, когда он со всеми своими потрохами сколь безутешно продался тому самому зычно им доселе прокли-наемому отъявленно бесноватому большевизму.

18

Разок-другой оно явно было, пока вовсе ведь нисколько еще недостаточно.

Пришлось ему весьма деятельно и стойко над собою, затем всесторонне и всеобъемлюще вдумчиво потрудиться, чтобы продаться, так продаться безукоризненно полностью, да еще и раз ведь и навсегда.

«Хождение по мукам», том первый (первое эмигрантское издание):

«Романтические постановления Гаагской Конференции, – как нравственно и как безнравственно убивать, – были просто разорваны. И вместе с этим клочком бумаги разлетелись последние пережитки никому уже более не нужных моральных законов. Отныне был один закон, равный для людей и машин, – полезность.

Так в несколько месяцев война завершила работу целого века. До этого времени еще очень многим казалось, что в жизни каждый может найти важнейшую цель, либо ту, которая увеличит счастье, либо ту, которая возвышенна; вероятно, это были пережитки средневековья; они расслабляли волю и тормозили ход цивилизации.

Теперь с войной стало очевидно, что человечество – лишь муравьиная куча. В ней все равноценны. Нет ни добра, ни зла, и нет даже счастья для того, кто понял тяжкий и унылый закон жизни – построение вечного кладбища.

Это было время, когда человеческое счастье законом и принуждением было отведено в разряд понятий, не имеющих никакого смысла и значения, когда цивилизация стала служить не добру и счастьем, а злу и истреблению, когда наука делала изумительные открытия, равные чудесам, когда становилось ясным – сколько злой воли в чистом человеческом разуме, освобожденном от моральных стеснений.

Механическая цивилизация торжествовала, – война была завершением ее века.

Во всем мире теперь был один закон – полезность, и одно чувство – ненависть».

19

И попросту именно подобным образом оно уж само собою нынче и повелось...

Ну а началось все это именно с тех под самый корень подчас же вырванных из общего потока жизни несметных благ великого и светлого добра.

И то, кстати, исключительно ведь жизненно важное, чего и вправду вовсе-то нисколько и не доставало всем этим искренне восторженным устремлениям, так это разве что той более чем обычной житейской практики...

Для правильной примерки светлых книжных истин ко всем реалиям века надобно было обладать вполне ведь праведно ясным и практическим умом.

А иначе все те исключительно наилучшие благие намерения будут еще совершенно вот до чего только неизбежно лютыми прохиндеями на самую скорую руку всевластно вскоре превращены в некое орудие воинствующе слепого гуманизма.

Ну а этот плуг для сеяния грядущей общемировой справедливости был уж без всякого промедления призван попросту так разом стереть с лица земли весь прах минувших дней – дней темных суеверий и средневековых рыцарских воззрений...

Ну а те, кто всеильно управляет всем этим миром, довольно-таки быстро осознали все прибыли от подобного рода утопически бесславных мировоззрений.

А кроме того, им действительно еще надо было разбить вдребезги все то, что так или иначе осталось от того стародавнего галантного прошлого.

Нынче в моде стали имперские интриги, грязные помои, отъявленный обман, посулы и все прочие прелести весьма вот степенной нынешней цивилизованности.

Ну а будущее тех держав, что придерживались старомодных принципов, предсказать было весьма уж и вправду довольно-таки весьма затруднительно.

Одно было ясно: им было вовсе не место на новой политической карте мира и сытого благоденствия.

Ну а кроме того, обе армии, что русская, что немецкая, были существенно лучше всех прочих армий Европы, а потому и представляли они явную угрозу для всех прочих нисколько не миролюбивых ее правителей.

И это именно на почве совсем же небеспричинных страхов грядущего военного альянса России и Германии и случилась ведь некогда та простая война, объявленная старому рыцарству (Первая мировая).

Ну а поскольку вся эта кровавая бойня явно уж была затеяна именно во имя взаимного разрушения Германии и России, имела разве что лишь довольно частичный и временный успех, то и возникла затем потребность во Второй мировой, именно что призванной начисто же загладить все те довольно-таки существенные ошибки Первой.

Однако Вторая мировая война разве что безмерно их все только уж еще преумножила и, кстати, это именно СТРАНЫ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА И ПРЕДСТАВЛЯЛИ ДЛЯ ЗАПАДА ИМЕННО ТУ УГРОЗУ, КОТОРУЮ НИКАК ТАК НЕ МОГЛА БЫ ИЗ СЕБЯ, СОБСТВЕННО, ПРЕДСТАВЛЯТЬ ДАЖЕ И БЕЗМЕРНО ВО ВСЕ СТОРОНЫ РАЗРОСШАЯСЯ ЦАРСКАЯ РОССИЯ.

И это как раз именно державы деловой хватки и сделали все от них зависящее, дабы Германия и Россия взаимно уничтожились в общемировой войне.

Поскольку должны были эти два государства разом сгинуть с политической карты этого мира (или значительно, ужаться во всех своих грядущих размерах).

Причем совсем оно не иначе, а произойти это с ними должно было именно в свете той ныне никак так вовсе-то и не пристойной их принадлежности к стезе существования сколь нынче далекого прошлого.

20

Но это вовсе не все люди западных стран действительно до чего только и впрямь всецело переродились, а только лишь наиболее важные и солидные представители самых влиятельных кланов стали сверхчеловеками с исключительно при этом уж притупившимся чувством реальности.

Ну а вполне долженствующей первопричиной для их весьма грандиознейшего во всем этом деле успеха и послужило самое так наглядное перерождение средневековых надежд на Господа Бога в нечто отныне вовсе иное по всем его внутренним, а не сугубо внешним житейским атрибутам.

Да и вообще: излишне самонадеянная вера в себя более чем безнадежно порождает бредовые теории самого наилучшего преобразования всех реалий века во что-либо более чем немислимо наилучшее и истинно праздничное.

Раз уж теперича именно всему тому сколь изощренно благостному и положено было раз и навсегда встать на свое совершенно законное место.

И главное, должно было всему этому до чего и впрямь непременно произойти именно в связи с тем самым уж искрометно внезапным переоформлением всех тех от века еще существующих общественных отношений.

Дабы далее полностью исчезли даже и сами следы бывшего рабства, угнетения, да и до чего только нестерпимо томительной несвободы.

И все эти ослепительно яркие всполохи лихорадочно лютого радикального мировоззрения, собственно, и несли на самом кончике своего пера столь скорую и почти безболезненную смерть всему тому вконец будто бы всем давно опостылевшему первозданному злу.

И были ведь люди, что и впрямь сколь безрадостно томились где-то в самой глубокой тени, до чего только яростно и нелепо при этом выжидая своего часа, дабы всеми силами затем все переменить в той самой заскорузло и обыденно житейской практике.

Поскольку чьи-то сердца подчас исключительно вот ласково греет светлая мысль о том, что буквально всего на этом свете разумного и доброго будет еще возможно более чем незамедлительно добиться именно по одному всесильному повелению наконец-таки действительно прозревшего времени.

Раз уж окажется для всего того и впрямь-таки более чем предосточным до чего неистово чего-либо подобное попросту ведь всесильно радостно только лишь еще захотеть.

И вся эта блажная лирическая фантазия до сих самых пор никак не может покинуть благие умы тех людей, что попросту видят весь этот мир сквозь пелену тумана радужных грез о чем-либо сколь уж пока совершенно несбыточном.

21

И это действительно именно так!

И вот даже и при столкновении только-то с одной конкретнейшей, колоритной личностью эдакие деятели чересчур возвышенного добра прежде всего смотрят вовсе не на самого человека со всеми его бедами и горестями, а глядят они во все глаза именно на его до чего изначально благие, истонные качества.

И главное, всего того элементарного им нисколько вовсе попросту и не понять, а именно, что на них явно мог быть наложен неимоверно тяжкий крест буквально-то испепеляющего душу безмерно трудного социального несуществования...

Вот как раз-таки этого они понять даже и приблизительно нисколько не в состоянии...

Все, что им окажется на самом-то деле вполне уж доступно, так это разве что наскоро вывернуть все свои еще изначальное представления о ком-либо исключительно прямиком разве что именно наизнанку.

Ну а чего-либо иного от них ожидать нисколько так вообще уж и вовсе нельзя.

22

И главное, чего им никак и не свойственно, собственно, понимать, так это именно того, что любые люди обязательно проявят себя, на деле выявив все свои интеллектуальные свойства и качества, в одних лишь исключительно ограниченных рамках, преподанных им самой этой жизнью уроков.

Раз уж те всецело во всем более чем действенно поспособствовали именно их вполне так единоличному выживанию.

А раз те внешние исключительно неблагоприятные обстоятельства истинно всерьез потребовали от кого-либо сколь безнадежно кое-кому вполне вот потребного умения довольно действенно мимикрировать, дабы посильно сохранить во вполне доподлинной целостности всю свою исконно внутреннюю духовную суть, то именно этак ему и быть уж и впредь.

И как-либо иначе тому и не бывать попросту вот вообще и никогда.

Ну а кроме всего остального прочего подобного рода, человек, пройдя через сколь до чего только неизбежное для него дикое одиночество, безотрадное и безрадостное непонимание, гнусные социальные отношения, еще уж более чем однозначно замыкается в некий именно вот свой прочнейший кокон.

Причем именно такой, из которого ему еще окажется вовсе непросто когда-нибудь выбраться куда-либо наружу ко всей той радостной и светлой жизни...

...и в особенности вовсе не выйдет у него в некий единый миг сколь так сразу вот оказаться во всем безукоризненно чистеньким, да еще и просвещенным духовно.

23

А из всего этого более чем неизбежно следует, что поскольку сама как она есть степенная цивилизованность есть один лишь и только внешний облик, а вовсе не сама суть той пресыщенной всеми благами цивилизации интеллигенции...

Правда, во всех ее розовых снах ей оно может и видится несколько иначе, но это все только лишь из области ее благих фантазий.

Ну, а коли оно именно так, то тогда поневоле, собственно, оно никак иначе и не выходит – вся та жертвенная (истинная) духовность нисколько уж не есть самая неотъемлемая часть всякого еще изначально окрыленного большой литературой праздного сознания...

24

А раз это именно так, а никак не иначе, то и не является она неким единственно верным состоянием чьей-либо еще изначально самой уж природой облагороженной души...

Довольно многое в нас, несомненно, определяется чем-либо исключительно внешним и для всех нас совершенно так явно обыденным, а не неким экстрактом, без всяких швов сотканным из более чем утонченного мира возвышенной духовной фантазии.

А посему и ожидать от человека доброго света в очах после того, как он провел всю свою сознательную жизнь в самых глубоких потемках, – дело явно губительное и, кстати, более чем совершенно напрасное.

25

И далеко не всякая недостойная, едва семяющая по пути к зрелости жизнь действительно является более чем выпуклым образцом сущего отрицания всего того наиболее в этой жизни достойного, и то вовсе не важно, до какой именно степени она и впрямь еще может кому-либо показаться нестерпимо противна...

Причем как бы ни была, собственно, горестна вся ее суть всей-то своей скорбной ношей и впрямь-то сколь же исключительно неприглядной никчемности и совершенно никак не реализованного и неосуществленного добра...

...а кроме того в ней еще действительно может проглядывать и самая безусловная апатичность ко всякому чужому безмерно светлому началу...

Однако все это никак не способно же послужить всему тому хоть сколько-то и впрямь надежным и верным подтверждением...

Совершенно так нисколько не стоит вводить в рамки определения более чем безупречного факта чего-либо, что попросту напрочь уж всецело выпадает из всякой общей схемы.

И никак не должно было ничему подобному до чего и впрямь безупречно лечь в основу того самого сколь безутешного вывода, что речь, мол, и вправду идет о некоей мгlistой жуткой темени.

До чего, несомненно, скрывающейся под маской всем своим внешним ликом исключительно простодушной, как и однозначно бездушной безответственности.

И, кстати, нисколько не обязательно, чтобы тот так и рвущийся наружу поток депрессии вполне вот всерьез под собою подразумевал до чего скрытое ликование сколь истомившейся от долгого ожидания весьма уж однозначно сатанинской сущности.

Вовсе не надо бы столь чеканно и многозначительно приходить к тем более чем весомым и окончательным выводам, да еще и выводя их строго у кого-либо надменно за спиной тем еще самым немислимо вздорным речитативом.

И самое главное – что все это было сделано именно на исключительно уж скользкой основе одних лишь тех весьма веских и самых еще донельзя разнообразных предположений.

А надо было, между тем, и несколько явно обождать, прежде чем вполне уж до чего только однозначно приходить ко всему тому довольно-то безвозвратно более чем определенному заключению.

А именно, до чего вот окончательно в том полностью удостоверившись, что кто-то, мол, всего-то навсего сходу захотел на деле воспользоваться удобным случаем.

Раз он только лишь для того и живет на всем белом свете, дабы при малейшей к тому возможности обязательно еще досадить всякому встреченному им на его жизненном пути ближнему своему...

26

Нет, ничто внешнее и исключительно поведенческое, никакое не неопровержимое свидетельство верной смерти всего того вполне так естественно доброго, что кем-то в кого-то было еще изначально нисколько не наспех всецело заложено.

А уж Господом Богом или слепой матушкой природой – то ведь вовсе совершенно неважно.

Внешние проявления всегдашние формируются именно всей той окружающей человека средой и полностью, и до самого конца усваиваются человеческой психологией разве что лишь тогда, когда он и сам есть более чем неотъемлемая часть всего того, до чего повседневно само по себе и существующего бытия.

И совсем уж навряд ли, что кто-либо и впрямь-таки до чего беспроницательно еще сумеет с самой ведь величайшей легкостью довольно наскоро избавиться от всего того, что с ним разве что лишь ненароком и наскоро сроднилось из-за всех тех исключительно невзрачных свойств всей той однозначно до чего невесело взрастившей его среды.

А все ж таки нисколько и не более того.

27

Однако добиться чего-либо стоящего и путного, до чего беспрестанно расталкивая и сколь невзначай же подталкивая некоего довольно простецки мыслящего индивидуума в ту единственно верную и во всем до конца полностью правильную сторону...

Нет – это окажется истинно полезным в одном лишь только виде простодушно проявленного задушевного тепла и дружеского участия, пусть оно даже и на самое короткое время.

Ну а исключительно так именно что исподволь действовать словесным насилием никак и никому вовсе ведь не подобает, а главное – толку от всего этого будет ровным счетом ну совсем ни на грош. Любому из нас более чем неотъемлемо свойственно всячески вот восставать супротив внешних насильственных действий, а потому сухие и жесткие нотации, как правило, вызывают у человека одну лишь полнейшую же «дремучую отрыжку».

Ну а во имя действительно вполне еще успешных мер воздействия на принципиально чужую психику всегда довольно толково потребно бы постараться именно что отыскать некий весьма существенный модус вивенди в каждом конкретном случае, а не столь неотступно следовать одним тем чрезвычайно сконцентрированным и до чего надежно законсервированным понятиям книжно-картонного формата!

28

Правда, к людям, опустившимся на самое дно, а некогда ранее действительно знавшим чего-либо в корне иное, ничто подобное никак никоим боком вовсе-то совсем не относится.

Да только людей, в нем еще изначально выросших... разве можно их сколь уж бескомпромиссно и сразу так отравлять удивительно искренне суровым негодованием?

Даже если это и есть производное кем-либо втихомолку пролитых слез, все равно от этого никому вовсе-то нисколько не легче.

Этак разве что еще куда только лишь поболее затравишь человека, и без того донельзя измученного всем его бесконечно несветлым прошлым.

А тем паче этого вовсе-то никак нельзя еще и потому, что данное проявление слепых эмоций, несомненно, вызывает одну лишь не менее слепую и более чем естественную ответную реакцию.

Причем никак не следует ничто подобное прямо так сходу сразу рассматривать именно как некий еще изначальный природный элемент чьего-либо до чего только гнусного звериного нутра...

29

Причем все свои собственные просчеты при этом ни в какой серьезный расчет и близко-то уже не берутся, поскольку буквально все тут осуществлялось с одними вполне так однозначно меркантильно-добродушными намерениями.

Ну а из всего этого само собой более чем безоговорочно следует, что «мы ведь попросту никак не могли оказаться хоть в чем-либо на деле действительно же неправы».

Или может еще статья совсем, наоборот, в том самом истинно критическом смысле, когда влекомые чьим-либо мишурным светом люди попросту разом снизойдут в самую гиблую тьму – только бы им действительно остаться с кем-либо безусловно прямо-то рядом.

Ну а именно подобным образом и разрушились, внутренне разложившись, сколь ведь немалое число изначально светлых, но изрядно при этом поникших душ.

Любовь – она бывает до чего только немилостива, а порой даже неистово зла...

30

Однако никого другого это, безусловно, вовсе ведь никак совершенно не оправдывает!
А потому все, что касалось более чем запутанных и непонятных жизненных ситуаций...

Да и сама по себе мерзкая грязь бесконечных и нескончаемых интриг, а также еще и беспрерывных нападков на одного, как и понятно, за всех ведь сразу виноватого недочеловека...

И вовсе-то оно никак не иначе, а все это была разве что лишь та кем-либо беспардонно выпестованная кривда, безотчетно зачатая в пламени яркими искрами взметнувшихся к небу злосчастно суровых амбиций.

Причем все уж попытки их сколь толкового, хотя и безуспешного применения во имя чьего-либо до чего только примерного наказания более чем однозначно указывают на практически полное отсутствие той самой истинно духовной благости, которая, без тени сомнения, явно присутствовала у тех давным-давно канувших в лету людей.

31

Современная интеллигенция, ничтоже сумняшеся, более чем благополучно освоила весьма своевременную замену всей той «давно уже устарелой» человеческой терпимости к ближнему своему, которая сколь зачастую явно имела религиозную почву, что бы там ни говорили о слепом и осатанелом фанатизме.

В дни нашей «исключительно гуманной» современности подобная сближающая сердца благодать приобрела во всем законченную, да даже и полностью заостенелую социальную форму, и зиждется она теперь на тех до чего и впрямь обобщенных для буквально всякой общественной надстройки чисто эстетических принципах.

И все это свойственно именно людям, что попросту никак не имеют буквально так ни малейшего полноценного своего представления, что как вот именно оно некогда было...

Этак-то оно и сегодня неизменно тянется из прошлого в то самое довольно-таки заранее по большей части давно вот предрешенное грядущее.

И ничего действительно вполне существенного в нем вовсе-то никогда нисколько не меняется.

Светлое будущее – его вполне этак возможно создать уже сейчас?

Конечно, в принципе, можно, но это разве что лишь еще отдалит его настоящее более чем истинное приближение.

32

Мир иллюзий, сотканный из благих надежд, становясь в чьих-либо глазах призрачно блаженной реальностью, разом превращает в ад житейское обыденное существование всего того инородного, оригинального, всем своим цветом вовсе не серого...

Правда, надо бы сказать, что все это в первую очередь касается лишь тех, у кого глаза действительно открыты, а не всех тех, кто заходя от всего непристойного и несветлого попросту до чего надежно отгородились каменной стеной буквально всякого на всем этом белом свете художественного вымысла.

Поскольку это именно последние имели гораздо вот большие шансы уцелеть в том самом новом мире, в котором любое ярко выраженное здравомыслие подчас сразу же становилось пропуском на тот свет.

Ну а люди отвлеченно праздного ума головой рисковали значительно менее...

Они ведь именно ту ярко праздничную сторону всей той революционной действительности подчас и принимали за совершенно доподлинно чистую монету.

Их воображение всегда рисовало для них исключительно иной мир, в котором злу более чем авторитетно предоставлялась роль исключительно карикатурная и вычурная.

И надо же – именно посредством данного контекста они и вымысливают все эти свои до чего и впрямь полностью вот «объективные» суждения обо всех их окружающих реалиях.

33

Но это, однако, вовсе никакая не яростная атака на всю как она только есть художественную литературу, а разве что на одно ведь ее чрезмерно всеблагое и неизменно слащавое понимание в довольно-таки узких рамках весьма этак толстого холщового переплета.

Да уж, кто о том будет сколь вот более чем безответственно спорить.

Несомненно, было бы всецело полезнее, кабы книги и впрямь значительно существеннее так влияли на всю эту нашу обыденную жизнь.

Однако ведь для всего этого им еще явно должно было стать чем-либо для всех нас значительно куда только поболее осязаемым, или по меньшей мере видимым, попросту говоря, воплощенным в его фактически же каждодневном отображении...

Хорошие длительные экранизации, показанные детям в школе, должно быть, с этим еще как-нибудь все-таки справятся...

Правда, им непременно должно будет при этом сопровождаться весьма жаркой и никем никому вовсе нисколько не навязываемой полемикой по поводу всего-то в них действительно понятого и увиденного.

Однако все ведь едино одним лишь удивительно ярким сочным миром благой фантазии ничего по-настоящему ценного в этот обыденно блеклый мир нисколько так вовсе совершенно не привнесешь.

Нет, уж в этой жизни абсолютно ничего из ее грубых черт никакими слащавыми грезами все-то никак совершенно не переменишь.

34

То есть кому-то может и вправду хотелось бы весь этот мир светом добра и любви искрометно разом осветить, да только «насильно мил не будешь», а потому и нечто подобное окажется вполне ведь принципиально возможным, разве что если действовать одним тем никому нисколько не навязываемым добром и ничем, собственно, более.

И должно же человеку искать в других именно свет, но вовсе не там, где его попросту нет и никогда не было, а также (что важно) не требовать от других дать им все то, чем может обладать разве что тот, у кого все это было буквально-таки явно до чего только в изобилии.

Однако вот люди, сколь же вдоволь злосчастно обьевшиися всяческими сладкими иллюзиями и невообразимо красочными миражами, безусловно, блистательного, да только истинно мнимого бытия, вполне способны, столкнувшись со всей той немислимо суровой жизненной реальностью, всецело в связи с этим наскоро затем переродиться в тех самых ненавидящих все им абсолютно непонятное лютых монстров...

И это в реальной жизни порою реально бывало, пусть и не со всеми или не столь и впрямь-то исключительно так надолго.

35

А это и есть тот почти неизбежный конец всякого восторженного идеализма.

Уж того-то, значит, самого, при котором буквально всякую более чем естественную реальность сколь безответственно заменяют очень даже удобной ширмой, полностью скрывающей за собой все ее грязные и донельзя темные стороны.

И ведь с таким всеблагим видением мира непременно еще будет возможно преспокойно прожить всю свою счастливую жизнь.

Однако не дай только Бог кому-либо из всех этих прекраснотушных деятелей добра и на самом-то деле столкнуться с той вполне осознанно отчужденной от всякого их праздного мировоззрения, очень уж даже бескрайне суровой действительностью...

Весьма вот преотличным примером, что это именно из всего этого действительно может еще, собственно, выйти, более чем должно послужить судьбе добрейшего человека Николая Гавриловича Чернышевского.

Оказавшись временно за решеткой, он и написал свой однозначно так именно что демонический роман «Что делать», тот, кстати, самый, который молодой Ульянов затем столь усердно штудировал в течение двух долгих недель, после чего ему, без тени сомнения, все стало совершенно уж окончательно полностью ясно.

36

Но ведь и без этого поэта в прозе самых «истинных задушевных исторических реалий» вполне тогда хватало и других...

И сколь много было тех несчастных, что разом уж повернулись всем своим возвышенным духовным ликом прямоком к липкому и вполне однозначно беспредельно подлому злу.

Причем произошло это именно потому, что добро в их душах было искусственно извращено, а потому и оказалось оно аморфно, а также и попросту безбрежно во всем ведь до чего только немыслимо прекраснодушно.

Они явно черпали все свои вольнодумные духовные истоки от того самого ярчайшего идеализма, совершенно же неизбежно возникшего на почве самого дичайшего несоответствия всего этого физического мира всяческим и всевозможным о нем литературным сказаниям.

Вот именно из-за этого при столкновении с дикими жизненными казусами и происходит в точности то самое, что столь уж всенепременно случается с лососем, идущим на нерест через речные пороги.

К концу пути его и узнать нисколько нельзя, до того его расплющивают все те встреченные им в пути препятствия, которые ему между тем волей-неволей приходится таранить именно головой.

37

Со свободолюбивыми людьми XIX столетия, безусловно, происходили в точности те весьма уж донельзя трагические перемены во всей их наиболее заглавной задушевной сути.

А именно поэтому вся их духовность и потеряла все свои исконные, еще изначальные свойства, обращая добродушных, да только чересчур наивных идеалистов в лютых корифеев теоретически верно выверенного злодейства.

И, главное, еще вот и таковых, что, будучи окрылены идеями всеобщего и вездесущего равенства, были именно к тому всецело уж непоправимо готовы...

Всегдашне были они всемогуще сколь прямодушно настроены – умертвить миллионы и миллионы ради одних тех дряхлых от всей их вполне естественной первоначальной несвежести, изрядно так еще в своей теоретической основе подгнивших идеек-прохиндеек.

38

Эти бесславные, бессмысленные и беспочвенные отбросы мыслительной деятельности весьма вот надежно приняли в чем-либо омертвело пламенном воображении более чем истово прямолинейную форму ярой борьбы за святое и до чего исключительно искрометно правое дело.

Да только сам по себе тот довольно еще неблизкий путь к нему мог быть отныне разве что вот проложен по одним лишь тем еще телам ближних своих, зачастую сколь беспощадно массово мобилизованных и попросту без счета «гибнущих за некое донельзя пресловутое народное счастье»...

Однако все эти донельзя искренне простодушные серые массы вовсе-то и не могли взять себе в толк, что уж в действительности существует совершенно и впрямь неотложная необходимость более чем долгожданного их освобождения от всех тех подлых вериг навеки проклятого прошлого.

39

Но их подтолкнули к пониманию этого силой воинственно демагогического убеждения...

Мир всего того нового бытия кое-кто до чего только смело решил строить на сломанных и раздробленных костях мира старого.

Причем борьба за новую жизнь более чем нелепо предстала именно в виде факела, сжигающего все бывшее в крематории безвестности и забвения, безо всякой связи с тем, было ли оно плохо или хорошо.

Главное было – освободить место для всего того, что никак не было запятнано тенью прошлых барских времен.

Да и вообще – это весьма странное устремление к свету неизменно вкривь и вкось шло дорогой возврата во времена древнейшего средневековья.

Ну, а это, в конечном итоге, и обернулось более чем полновесным возвращением к общественным ценностям весьма ведь старого иезуитского мракобесья.

Запутанность данного парадокса, собственно, и объясняется простой и общеизвестной народной поговоркой «За что боролись, на то и напоролись».

И это более чем обычная история всякой пальбы-борьбы, ведущейся насильственными методами внутри одного общественного организма.

40

Разумеется, что все это было бы явной и довольно-таки оскорбительной ложью, кабы в подобном ключе кому-либо и впрямь еще довелось сколь недальновидно коснуться даже и самым краешком своего нечестивого и рабского сознания всех уж тех на этом свете случаев какой-либо яркой борьбы.

А между тем есть вполне вот предостаточно случаев какого-либо индивидуального неподдельного геройства и самопожертвования во имя светлого грядущего, что, непременно, затем еще когда-нибудь явно наступит, скажем так, без засилья бесчинствующих австрийцев на землях благословенной солнечной Италии.

Борьба за свою любимую родину, если она, прежде всего, направлена против интервентов и их предателей, прислужников, – это всегда ведь именно что святая борьба.

Нечто совершенно иное – это та самая сколь и впрямь-то яростная битва во имя осуществления каких-либо абстрактных идеалов лучшей жизни всех людей сразу после до чего бескомпромиссно испепеляющего всякую несправедливость изничтожения буквально-то всего того, что сковывало народ веригами самой ужасающей несвободы, а также еще и подлого и мерзкого барства.

И главное, все это более чем безрассудно подлежало неистощимо яростной и обезличенно ожесточенной ликвидации, вместе со всем тем низменно уж еще его сопровождающим холуйством и до чего только неправо сытой праздностью.

41

Попросту крайне во всем безупречно же необходимо более чем полновесно отобразить всю ту, между тем, и другим сколь однозначно бескрылую, но зато нисколько не обезглавленную... и при этом полностью вот вполне так элементарно житейскую разницу.

Всякий воюющий за свободу своей родины – герой (если, конечно, он воюет против солдат).

Ну а террорист, убивающий неугодных ему господ – прежде всего, кровожадный фанатик.

И это именно так еще и потому, что вместе с господами он, нисколько себя этим вовсе же никак не стесняя, направо и налево убивает довольно немалое число людей из простого народа.

То есть он приносит на алтарь грядущего всеобщего счастья кое-кого именно из той самой когорты людей, каковые были ему и впрямь столь немыслимо дороги, что вот никак не терпелось ему буквально-то поскорее бы до чего радостно их освободить от всех тех застарелых прежних оков.

Уж чего тут поделаешь, ему все те никак нисколько не приемлющие суровую пролетарскую жестокость принципы буржуазной морали были всегда попросту исключительно побоку.

Раз та самая светлая цель и всяческие благородные идеалы нисколько вот не иначе, а сами собой, в конце концов, все еще набело выбелят и подчистую полностью оправдают.

Но это вовсе так не сам по себе он был, собственно, значит, именно что таков!

Ну уж нет, фактически вся его внутренняя смертоносная суть была именно тем еще исключительно так донельзя наглядным воинственным производным всего того неизменно бурлящего неистощимыми страстями более чем многоликого интеллигентского общества, в котором он фактически всегда сколь безвылазно жил.

42

И было оно всецело окрылено всеми теми бесовскими идеями, буквально-то властвующими, да и неизменно берущими верх над всяческим вполне этак как есть естественным здравым смыслом.

А потому чего это тогда вообще удивляться, что, сталкиваясь с тем самым явным неприятием новоявленных таинств промозгло казарменного бытия, простоватые и глуповатые люди частенько берут на себя роль именно той еще карающей немезиды.

Причем основано все это было вовсе так не на клокочущем, словно сельский самовар, кичливом невежестве.

Нет, еще первоначально все это вздымалось к тем ныне совершенно пустым небесам именно как то еще следствие всех тех высоких душевных устремлений добрых и ласковых господ идеалистов.

И это ведь именно они безмерно почитают книгу за нечто исключительно великое и святое, раз уж по всем их «светлым воззрениям» буквально все разнообразие жизни должно было рассматриваться лишь через эту сколь неизбежно узкую призму.

А потому о какой-либо правде и кривде, дружбе и недружбе со здравым смыслом (в его доподлинно естественном виде) тут говорить нисколько так вообще, собственно, и не приходится.

При всех своих довольно редких столкновениях со всей той порою сколь ужасной и бесконечно суровой действительностью (во вполне естественной обыденности они от нее чураются, словно же черт от ладана), такие люди зачастую приобретают черты осатанелой жестокости, вовсе-то никак не свойственной каким-либо донельзя примитивным дикарям.

43

И происходит это именно от той самой уж дичайшей их перенасыщенности всеми теми неземными благами светлых мечтаний.

А именно – самого явного и более чем безусловного переизбытка вычитанных ими из книг во всем исключительно так непробиваемо твердолобых самоубеждений...

А потому, более чем непосредственно столкнувшись с суровыми жизненными реалиями, подобного рода люди довольно-то частенько претерпевают внутри всей уж своей искренне глубокой задушевности исключительно ужасающие, по всей своей сути, преобразования...

Правда, одним для того, в принципе, вполне вот хватит и самого малейшего казуса в их сколь однозначно более чем благополучной жизни.

Зато у других все это непременно может еще оказаться, в том числе, и самым что ни на есть естественным следствием весьма вот беспрерывно длительного и неутомимого воздействия всей той до чего только беспрестанно их всегдашне окружающей жестокости.

И она вполне способна трансформировать человека в нечто совершенно иное, нежели чем был тот всецело отныне прежний (оставшийся в более-менее счастливом прошлом) довольно уж явно ныне поникший духом индивидуум.

Однако при этом та самая суровая жизнь вполне ведь еще может почти что ни в чем и не затронуть внешние черты его исключительно так, между тем, самого что ни на есть обыкновенного лица.

44

Вот потому и нельзя рассматривать лицо человека как всецело именно так его сколь и впрямь-то естественный и доподлинно верный духовный лик, и даже выражение красивых глаз вполне еще способно оказаться очень даже порой столь непременно на редкость исключительно уж обманчивым.

Причем вовсе не обязательно, чтобы подобные вещи были до чего во всем неразрывно связаны как раз-таки с сущим перерождением чьей-либо души, поскольку нечто подобное вполне еще может случиться в том числе и от самой элементарной духовной немощи.

Обратим этот процесс или нет – это вот можно будет понять только лишь разве что при более близком знакомстве, однако то вовсе не повод, чтобы светить, издалека ожидая точно такого ответного света.

Поскольку это разве что только отнимает у человека его самые последние силы, что крайне ведь между тем ему более чем неотъемлемо необходимы, а именно – так для той самой совершенно истощающей его душу борьбы со сколь бессердечно недоброй к нему судьбой.

45

Чей-то, в принципе светлый, путь с чрезвычайным при этом засильем тьмы вокруг и, кстати, еще и безо всякой серьезной внешней подпитки вполне еще может всецело создать довольно с виду целый, но где-то изнутри явно же весьма серьезно подпорченный лик...

И он и вправду способен откуда-то издали манить всей своей сокрытой сокровенной сутью, да вот беда так беда...

Раз на все те самые лучшие качества в подобном более чем нескладном человеке был наложен тяжелый крест чьего-либо в целом чрезвычайно невзрачного, а по временам и крайне так всецело опасного существования.

46

Все ведь, в конечном итоге, безусловно, стремятся к одному и тому же, да только вполне однозначное взаимное недопонимание людей, выросших совершенно по-разному, несомненно, еще может достигать буквально уж ни с чем нисколько не соразмерных пределов!

Они попросту явно говорят на абсолютно разных языках, а потому и понять друг друга, когда речь пойдет о каких-либо действительно сложных понятиях, им будет куда только, пожалуй, посложнее, нежели чем это окажется в случае общения двух говорящих на абсолютно различных наречиях дикарей.

Причем это будет именно так и никак не иначе, в том числе и при том ведь раскладе, что уж доведется этим двум донельзя примитивным людям вступить в сколь жаркую дискуссию в почти полнейшей крошечной темноте.

Раз вот даже и при подобных условиях они как-нибудь до чего-нибудь обязательно явно договорятся...

Ну, а люди совершенно по-разному мыслящие – пожалуй, что нисколько так вовсе и нет.

47

Можно, конечно, сказать, что это куда в большей степени проблема одиночек, чем больших образованных сообществ, где все друг друга прекрасно так полностью понимают.

Однако конфликты подчас вовсе никак не являются конфликтом личности и общества.

И все уж чье-либо крайнее явное несоответствие самым обыденным нравственным нормам бытия, может быть, вполне всерьез расценено именно как расчетливая и более чем сознательная подлость.

А между тем буквально всякий человек вовсе-то никак не смог бы вырасти сам по себе один именно таковым, каковым он явно еще вырос бы во вполне полностью родственном его душе социуме, то есть именно посреди во всем ему подобных людей, и это самый обыденный и, безусловно, более чем непреложный факт!

48

И, кстати, каждый уж на этом свете человек неизменно приспособливается именно к тому, что сколь непосредственно всегда было у него вокруг, а именно это между тем и создает в нем все те совершенно незыблемые стереотипы мышления и поведения в обществе.

Но все это, разумеется, одно лишь мелкотравчатое перечисление всяческих мелких и до чего только и впрямь исключительно же ничтожных частностей!

А все-таки в целом каждый именно сам за себя порою решает – укорачивать ли ему все концы весьма так вдоволь имеющейся в нем еще изначальной природной дикости, или, наоборот, старается ли он искусственно и изошренно их культивировать на несколько иной изысканно культурной почве.

Зачастую все это будет зависеть разве что лишь оттого, а чего уж это именно поселилось в душе какого-либо сугубо вот отдельно взятого индивидуума.

И то сколь неизменно будет всецело увязано вовсе не с абсолютным большинством всех тех его еще ведь изначальных природных задатков, а прежде всего именно с тем, где он живет и в каких, так сказать, сферах сколь вообще же повседневно вращается.

49

Что, однако, никак не делает людей хуже или лучше, а разве что только вполне вот однозначно стискивает их в рамках всего им доподлинно известного, поскольку было оно ими вполне вот полностью изведано именно на своей собственной шкуре, а не вычитано из некой книжной проекции полусонно-мечтательного восприятия всякого каждодневного бытия.

Неужели никому нисколько непонятно, что бытие и впрямь формирует, хотя нисколько вот не обязательно, что во всем неизменно же определяет чье-либо сознание?

Наш ежечасный быт всецело довлеет над всем нашим менталитетом и вовсе не только из-за одной извечной его суеты, но и в связи с его самой так простейшей наглядностью, ни в чем, однако, никак не отменяемой никакими бликами светлого ума, всецело сосредоточенного в узком переплете кем-либо попросту вымученно надуманных реалий.

50

Причем если уж великих гениев общемировой литературы подобные слова более чем несправедливо бы оскорбили, то вот всякому честному труженику, медленно взрыхляющему почву на ее ниве, непременно бы еще пристало поставить под ними свою до чего и впрямь размашистую подпись.

Да, правда, свет хороших книг действительно рассеивает тьму в наших душах, он даже способен послужить довольно-таки серьезной первопричиной для куда более благовидных поступков в той или иной самой уж конкретной житейской ситуации.

И это действительно еще ведь произойдет, и именно тогда, когда человеку и впрямь-то в принципе будет достаточно легко во всем разобраться, поняв всю суть дела во всех самых разнообразных ее аспектах.

51

С другой стороны, внешний облик человека, его образ мыслей, а также и его культура – это ведь зачастую одно лишь то, что он действительно вполне так сумел уловить самым наглядным для него образом из всей той повседневно нами обжитой, крайне так обыденной и при этом всецело уж насущной действительности.

Как правило, люди незаурядные и вполне достойные к себе самого наибольшего уважения попросту никак не смогут всецело переиначить все свое внутреннее естество в самом полноценном и неотъемлемом соответствии со всей той так или иначе окружающей их обстановкой.

Что, однако, вовсе не является хоть сколько-то стоящей обсуждения проблемой для всевозможных «длинноязыких хамелеонов».

Это ведь именно такого рода хитроватые людишки вполне же способны действительно всякий раз полностью переиначивать весь свой душевный настрой на тот самый в данный момент наиболее нужный им лад, причем делают они это порой по два, а то и по три раза на дню!

Вот они-то и будут вечером разговаривать с невестой из интеллигентной семьи о композиторах классической музыки и о балете, а ночью – с шалавами о совсем других, куда более прозаичных вещах.

52

Ну а люди, нисколько не владеющие этакой приткой способностью быстро и, главное, всецело легко разом скидывать с себя всю внешнюю шелуху их сколь безотрадно наглядно простоватого кругозора, дабы тут же напялить на себя совершенно иное... другое лицо.

Уж как раз они, собственно, и окажутся в самой так незавидной роли грязных калек своего навечно оставшегося в памяти сколь безотрадно трудного детства.

И все дело тут вовсе не в том самом же тщательном пережевывании жутких сцен и кошмаров, некогда кем-то пережитых и давно явно так полузабытых.

Нет, именно в том в самом начале всего бытия, создавшего человека как раз ведь именно таковым, каков он и вправду, в сущности, есть.

А это и отягощает существование души, как на грех еще изначально (словно к чертям на жаровню) попросту сразу попавшей в крайне неудобную для нее обстановку, и при подобных злосчастных обстоятельствах над человеком весьма вот довлеет ее или его некогда вплотную всю же душу тяжело обступавший быт.

Причем нависает он впрямь-таки словно нож гильотины, но зачастую он исключительно туп, не слишком остер, а потому куда чаще разве что изранит он чью-либо высокую душу, нежели чем попросту нелепо сгубит ее.

И если человек действительно храбро выбрал жизнь, то ведь обязан он был под нее хоть сколько-то еще непременно подстроиться?

53

Ну а сама по себе довольно существенная необходимость приобретать все внешние признаки всей окружающей среды есть самая так неотъемлемая часть буквально всякого сознания, а не только лишь разве что тех, кто всецело ниже по всему своему духу и образу мысли.

Это явление совершенно уж объективно и легко объяснимо при помощи самой элементарной логики.

Оно сколь намертво увязано именно с тем во всем так донельзя совершенно уж до чего только непреложным для всех нас обстоятельством, без коего всякая высшая мозговая деятельность была бы попросту исключительно невозможна.

54

А между тем речь тут идет именно о том, что буквально всем же людям еще с самого зарождения их жизни ничего другого вовсе и не остается, кроме как разве что сколь медленно и постепенно постараться довольно-то деятельно акклиматизироваться ко всей той окружающей их житейской атмосфере.

Причем какой-либо существенной альтернативы этому попросту нет, да и быть ее, собственно, вовсе ведь совершенно так нисколько не может.

И все дело тут вовсе не в некоем сколь неприятно маленьком, а не вполне так должествующем большом задушевном уюте (а куда точнее о буквально полнейшем его безысходном отсутствии).

Нет, разве что лишь о том достаточно просторном удобстве самого вот обыденного житейского существования.

Ну а куда уж точнее речь тут идет именно о самом что ни на есть повседневном бытии в сущей грязи, как суровой данности беспросветно серой жизни.

Что, однако, вовсе не нивелирует чью-либо личность, а лишь весьма так значительно усугубляет все его или ее до чего только явно внешне видимые недостатки.

Сознание людей всецело формируют именно что те самые внешние обстоятельства... И именно поэтому, кстати, всяческие всевозможные буквоеды-моралисты, будучи кем-либо, значит, столь ведь дико воспитаны, ели бы тогда своих ближних и пальчики еще бы при этом (в конце трапезы) себе, непременно, облизывали.

Папуасы Соломоновых островов попросту так именно что представители первобытной культуры, и если бы они усыновили белого младенца, то он бы, подросши, вовсе-то затем не спросил:

– Папа, а почему это ты ешь людей?

Ну уж нет, разве что лишь тем он и впрямь обязательно еще бы поинтересовался, «а почему это я белый, а не черный, как все».

Хотя, по правде говоря, все это, конечно, самого крайнего рода полнейшее исключение из всех обыденных правил.

Ведь, как правило, общество представляет человеку более чем яркую альтернативу всему тому, что он мог лицезреть около самого себя, попросту родившись вовсе не там, где ему самому того явно бы еще действительно, собственно, так захотелось.

55

А все же обычно сколь постепенно взрослеющий в определенных условиях человек есть полностью вот до чего объективно естественное продолжение всей той каждодневно окружавшей его среды...

Поскольку в самом-то как он есть принципе крайне обыденного житейского существования вполне ведь заложена более чем естественная схожесть потребностей и желаний, как у детей, да так и у их взрослых родителей.

И всегда она есть, та самая нить, которая сколь прочно увязывает воедино оба порою совершенно вот с виду донельзя различные поколения...

Их внешняя довольно существенная неидентичность зачастую может еще послужить одной лишь причиной для весьма существенного антагонизма, да только не столь и сильно она порой разводит вовсе не столь различные по их быту поколения в именно те самые диаметрально противоположные стороны.

Новому поколению в принципе свойственно искать себе ранее нисколько не изведанные, новые пути, однако, во всем при этом разве что лишь только вот повторяя кем-то давно уже пройденный маршрут.

И хуже всего достается именно тем, у кого вся их личная в этой жизни дорога никем ранее (из их семьи) еще не была, собственно, пройдена.

Раз вот они хотят пустить свою жизнь по некоему иному потоку, нежели чем она протекала у всех их пращуров и родителей.

Однако поскольку они буквально-таки мертвым узлом всецело всесторонне привязаны к их исключительно беспросветно несветлому прошлому, им и приходится тянуть за собой весь скarb ими некогда пережитого, и избавиться от него многим из них явно окажется никак не под силу.

56

Во многом их реальному сближению со всем внешним миром явно еще весьма поспособствует медленная и неспешная, правда, и тогда не столь до конца же именно во всем до чего только непременно успешная адаптация...

Поскольку процесс этот будет ни в чем нисколько не труден, да и не долг разве что лишь для тех, у кого внешняя среда более чем однозначно довольно ярко компонирует со всем их внутренним сокровенным настроем.

И то будет вовсе не так в том самом необычайно суровом, пиковом случае, когда более чем наглядно наблюдается сколь явное несоответствие между сторонними факторами, всецело формирующими повседневные навыки, и тем глубоко затаенным и сокровенным, что вполне можно по-свойски назвать душой, или как оно кому окажется угодно хоть сколько-то, значит, иначе.

57

Суть души – от признания ее истинной частью некоего нематериального мира или полнейшего и многозначительного отрицания всякого существования одного – все равно останется безо всяческих более чем существенных изменений.

В полном и идеальном соответствии именно с той сколь и впрямь так неизбежной определенностью, что вовсе оно неважно, сотворен ли этот мир Богом или нет, сам факт его существования абсолютно же исключительно непреложен.

И буквально всякая добрая или злая душа, нисколько не важно, кто это именно ее создал – Господь Бог или мать всего сущего, природа, – все равно обладает практически теми же оригинальными свойствами, никак не имеющими каких-либо явных аналогов во всем этом сколь многоликом и до чего непримиримо разнообразном мире!

И то, что из всего этого более чем однозначно сколь уж безукоризненно следует, так это именно то, что нет ничего поважнее, нежели чем попросту вот дать ей самой обрести именно свой оригинальный, а не общий для всех и каждого кем-либо досконально верно выверенный путь.

58

И это, кстати, и есть именно то, что и является тем уж наиболее действительно важным в деле сколь вот существенного выражения чьей-либо сокровенной сути, однако при этом также еще необходимо соблюсти честь и права всех остальных людей.

А потому, исходя из всего вышеизложенного, всякая отдельно взятая личность должна была еще оказаться, по мере возможного, всецело ограждена от всякого внешнего диктата абстрактных и красочных нравственных догм.

Раз уж те только-то и всего, что исключительно так безотратно захламляют чье-либо сознание безо всякого видимого положительного эффекта, как и сколь существенной пользы для всего остального общества в целом.

59

Настоящий толк бывает вовсе не от самих по себе ветхозаветных моралистических уложений, а именно от их самого уж конкретного переложения на саму как она только есть обыденную реальность в буквально каждой конкретной семье.

Для чего ведь и надо бы нисколько так не заставлять детей самым тщательнейшим образом заучивать наизусть бесконечные параграфы чопорных правил сколь и впрямь многозначительно правильного поведения в обществе, а до чего неукоснительно (по возможности) вполне добровольно следовать им самим.

Вот хотя бы тем самым более чем основным их параметрам.

Дети – они буквально во всем копируют взрослых, делая это более чем неосознанно и почти бессознательно, буквально никак уж над этим нисколько и не призадумываясь.

А потому и одергивать за близость к природе надо бы относительно сдержанно и умерено.

Поскольку всякая сегодняшняя цивилизация попросту явно плодит свой искусственный, замкнутый мирок за этакой яркой занавесочкой из всевозможных культурно сказочных ценностей.

Ну а действительно здравомысляще реальными они окажутся только же в самом отдаленном от нас грядущем.

Однако дабы через то самое увеличительное стекло восторженного идеализма довольно ведь отчетливо обозначить все его пригоже и наглядно прочерчивавшиеся контуры...

Уж что-что, а для всего этого сегодняшней интеллигенции, несомненно, еще хватит как желания, да так и всего того чрезвычайно ведь радостного, БУРНОГО воображения.

Да только не слишком ли то будет явно до чего только недальновидно вполне уж наглядно буквально в одночасье узреть воочию все то, что еще надо бы кирпичик за кирпичиком довольно долго и весьма продолжительно строить?

Причем для того, чтобы действительно выстроить чистое и светлое здание далекого будущего, надо бы снять белые перчатки и натянуть на себя болотные сапоги.

Ну а поскольку чего-либо подобное делать явно будет слишком уж неприятно и душевно тяжело, то вот легче-то всего будет воинственно призывать на голову ныне царствующей когорты все беды и козни египетские.

А между тем проклятия подобного рода нищим и вечно кем-либо обворованным народом будут непременно затем еще сколь весьма благочестиво услышаны.

И он действительно тогда проснется и пошлет ко всем чертям все те старорежимные нормы общественной морали...

Раз совсем оно не иначе, а это именно каменный век посредством разнузданного раскрепощения трудовых масс тут же и возвращается во всякую людскую бытность, вновь вот становясь самой обыденной частью всякого новоявленного общественного бытия.

И отчего это оно именно так?

60

А между тем сколь оно на деле исключительно просто и, кстати, вполне ведь полностью доступно для буквально всеобщего достойного понимания.

Если совсем уж нельзя буквально-то запросто с кондачка до чего только спешно добраться до некоего безбрежно прекрасного идеалистического будущего, то вот наскоро возродить покрытое мраком схоластики идеалистическое средневековое прошлое – это же нам всенепременно раз плюнуть.

Ну а действительно происходит нечто подобное именно из-за всех тех более чем неприглядных вывихов сознания у некоторых недальновидных людей, что этак-то попросту тшятся применить ко всей насущной реальности всю уж как она только есть до чего явно вот при-торно-светлую чисто книжную действительность.

А между тем сколь настойчиво (как оно и надлежит) следуя за действительно стоящими того никак же не призрачными идеалами, крайне вот важно будет еще и ни в чем нисколько не перегибать же палку.

Ведь всякая истина, будучи сухо и бессердечно вывернута фактически наизнанку самым буквоедским ей следованием, плавно и без рывков превращается в свою абсолютную и очень даже «ехидную» противоположность.

61

И это ведь именно те «мутящие воду в тихом омуте» слепые, хотя и светоносные, догмы и отравляют некоторым людям их бесподобно наивные души и истинной уж всеобщей благодати жаждущие сердца.

Ну а потому они более чем беспричинно и идут войной на всякое дикое зло, буквально так сменяя при этом абсолютно все на своем безмерно недобром пути.

А главное, и мысли притом вовсе не допуская, что кто-то ведь и сам был немало еще виноват во всех тех нежданно-негаданно по его душу сколь внезапно нахлынувших бедах.

А потому и незачем ему было более чем однозначно винить кого-либо другого во всех тех, так сказать, жгучей горечью снедающих его сердце жутких несчастьях.

А между тем о чем-либо действительно насущном вполне вот всерьез делово призадумываться кое-кому было явно совсем не с руки, поскольку иначе пришлось бы искать и свою вину...

А ее более чем принципиально и не могло быть, собственно, вообще, раз по тому самому всегдашне под рукой имеющемуся шаблону все предпринятые действия были абсолютно безукоризненно правильными.

Ну а если кто-либо, как оказывается, несомненно уж вовсе не свой, ну так срочно бы надо навешать на него всех собак, как и лапшу на уши поразвесить совершенно сторонним к тому делу людям.

И они во все это с радостью блаженно поверят, поскольку свои и чужие – что еще может быть древнее в этом нашем подлунном мире.

И, кстати, вовсе не зря древнеримский философ Сенека некогда изрек:

«Чем несправедливее наша ненависть, тем она упорнее».

Можно ведь в том совершенно уж нисколько не сомневаться – он имел в виду во всем этак более чем весьма определенные жизненные казусы.

62

Люди иногда до чего только весьма ведь с охотой последуют как раз именно тому их извечно беспечно подслеповатому принципу, что кому-то и впрямь непременно бы надо безо всякого промедления воздать за все им бессовестно содеянное явно же сторицей.

Как то в своей время сколь тонко и правильно подметил американский писатель Майн Рид в его наилучшем романе «Всадник без головы»...

«Это было нелогично, но люди, которые ищут преступника, редко рассуждают логично. Они думают только о том, чтобы наказать его».

И то ведь подчас более чем бесспорно, что нисколько при этом они никак не обсуждают и не обдумывают все те составлявшие элементы совершенно невзначай закрывшегося в их сердца страстного чувства обиды на то, например, что их чувства так и не нашли в некоей чужой душе более чем обыденно должный отклик...

63

А между тем (а как то должно быть иначе?), поскольку человек вовсе никак не идет дорогою светлого добра или действительно во всем осознаваемого им зла по одному лишь своему вполне ведь хорошо продуманному выбору.

Нет, довольно-то многое может быть совершено человеком более чем необдуманно, случайно и спонтанно.

Зло и добро, не как вылуценно праздные понятия, а их сколь грязное и потное переложение на самую обыденную жизнь, – порою темный, запутанный лес, а потому и до чего частенько поиски кого-либо крайнего – это всего лишь очистка именно своей и впрямь уж болезненной совести от всех примесей правды и истинной справедливости.

Настоящее добро не выделяет самое себя для подавления зла, а лишь вынужденно отбивается от всех его совершенно уж подчас так беспощадных нападков.

Ну а без сколь насущной необходимости (рефлекторно) становясь агрессивным, оно ведь до чего неизменно более чем явно преступает законы всякой нравственности и морали.

Мир жесток и порою исключительно непредсказуем, но некоторые сколь так вкрадчиво требуют от него всего того общего блага, любви и вполне до конца уж осознанной глубоко эмоционально прочувственной сознательности...

При этом зачастую явно пренебрегая самым так элементарным здравым смыслом.

Совершенно ведь никак нисколько не приемлющим подобной предобрейшей и безоблачно оптимистической концепции.

Да, действительно общие понятия о добре и зле одинаково заложены в нас еще от сотворения, или, как кому будет угодно, зачатия.

64

Однако очень даже многие наши общечеловеческие проявления отображают прежде всего один лишь явный дух времени, в котором мы все сегодня живем, а также и те социальные взаимоотношения, которые мы могли лицезреть посреди еще изначально так наиболее близких нам людей.

Причем нравы, царящие в родительском доме, и вправду являются вполне во всем основополагающим фактором в развитии буквально-то всякого детского сознания, да, кстати и к слову говоря, сколь во многом взрослого подсознания.

Конечно, вовсе не во всем это хоть в чем-то да перекликается с великим множеством самых разнообразных аспектов нравственности и морали.

Однако весь тот застарелый детский конфликт со всею той более чем непосредственно окружающим человека миром тянется затем как минимум не одно уж еще десятилетие после вполне вроде бы действительно полного так окончания всех физиологических процессов взросления.

Причем поболее всего это наблюдается как раз тогда, когда внешнее и стороннее влияние сталкивается под самым острым углом со всем тем, чем заполнен внутренний мир разве что еще только формирующегося духовного естества совершенно во всем пока нисколько незрелой личности.

65

И сколь непоправимо страшной ценой всей той исключительно тяжелой психологической конфронтации, что более чем безвременно тянулась в течение всего же детства из прошлого в настоящее, и будет ведь способен, собственно, стать тот тяжкий внутренний дискомфорт длиною в целую последующую жизнь.

И довольно веских к тому первопричин вполне еще может отыскаться никак не менее, нежели чем всяческих и всевозможных несхожестей характера у самых различных типов людей.

И все это при том сколь явном и до чего безнадежном отсутствии у обеих сторон хоть сколько-то существенного желания тщательно обдуманного осуществления каких-либо попыток сближения, что действительно еще вполне вот могли привести и к какому-либо весьма довольно-таки существенному компромиссу.

66

Но разве только лишь в этом и кроется вся та исключительно неподъемно тяжелая проблема?

А между тем даже и при явном отсутствии больших «батальных» сцен на глазах у ребенка, довольно-таки серьезную угрозу для всей его психики вполне еще могут представлять в том числе и донельзя слащавые внешне, да только слишком же горькие изнутри всевозможные наставительные нравоучения.

И та подлинно стоящая того житейская мораль заключена, прежде всего, именно в том, что рожденное где-либо существо нуждается в одной лишь беспрестанной и постоянной защите от вредных проявлений суровой действительности.

Ну а также еще и неистово злых людей, и порочных факторов, что уж и вправду будут способны погубить, как и духовно отравить неопытное, еще никак не оперившееся создание, да вот ведь, однако, нисколько никак и не более того...

67

Да и сам тот сколь долгоиграющий эффект от прививания добра при помощи стеганья хворостиной морализмов был разве что уж действительно еще способен оказаться почти что во всем донельзя всецело обратным чьим-либо безмерно возвышенным и высокоморальным чаяниям.

Это в более чем определенной манере вполне относится также и к нисколько не правому исключительно насильственному кормлению с ложечки всевозможными благими догмами.

Ну а они вполне еще могут оказаться совершенно никак вовсе и неприемлемыми для данного юного человечка.

Однако сама по себе до чего существенная разница в мировоззрении и подходе к жизни нисколько не подразумевает под собою некое более чем полное отсутствие всяческой морали.

Нет, всего-то что разве что одно лишь наличие именно своего собственного на нее взгляда.

Уж, пожалуй, весьма ведь довольно отличного от сколь строгих родительских воззрений на всю ее внутреннюю суть этических, да и всяческих других самых разнообразных аспектов всего того существующего бытия.

68

Причем весьма серьезные различия в нравственном осмыслении всей сущности общественной жизни, несколько иное видение в точности тех же самых проблем явно еще довольно-то долго послужат поводом для ярых противопоставлений характеров.

А потому войны между родителями и их до чего только нерадивыми детьми попросту совершенно неизбежны.

А между тем следуя элементарной логике бытия в восприятии подрастающего поколения, всегда еще следовало бы поставить во главу угла саму как она есть, довольно-то резко и быстро изменяющуюся, жизнь.

А не чью-либо моральную деградацию, в том самом исключительно ярком и широком противопоставлении всем тем предыдущим поколениям, что никак уж нисколько не было, собственно, лучше.

Вот как о подобных вещах толкует Антон Палыч Чехов в его повести «Скучная история».

«Мне обидно, что обвинения огульны и строятся на таких давно избитых общих местах, таких жупелах, как измельчание, отсутствие идеалов или ссылка на прекрасное прошлое.

Всякое обвинение, даже если оно высказывается в дамском обществе, должно быть формулировано с возможною определенностью, иначе оно не обвинение, а пустое злословие, недостойное порядочных людей.

Я старик, служу уже 30 лет, но не замечаю ни измельчания, ни отсутствия идеалов и не нахожу, чтобы теперь было хуже, чем прежде. Мой швейцар, Николай, опыт которого в данном случае имеет свою цену, говорит, что нынешние студенты не лучше и не хуже прежних».

69

То же самое, в принципе, более чем однозначно касается и всех людей, как они только вообще, собственно, есть.

Они любят злословить, осуждая всех ближних своих вовсе не потому, что они им нисколько не милы и противны, а только-то оттого, что, уж замарав скверной злобных словопрений всех окружающих людей, еще обязательно так почувствуешь самого себя их куда только явно превыше, весомей, да и донельзя значительнее.

И надо бы именно то более чем безоговорочно разом заметить, что про в доску своих обычно принято говорить довольно-таки вдохновенно и с придыханием, а все их явные подлости исключительно ведь старательно «забеливать» хитростями восторженно задушевного самообмана.

Но то явно было бы разве что лишь еще полбеда...

70

Главное, что в интеллигентном человеке на сегодняшний день и вправду не в меру двояко и аморфно, – так это его сущим «маятником довольно подвижно качающаяся совесть».

У нее совершенно нет каких-либо постоянных ориентиров, поскольку все тут зависит от веяний времени и политических сил, именно же сегодня правящих бал в той или иной сугубо отдельной стране.

А также и присутствует в нем бесподобно ласковый и донельзя вкрадчивый конформизм, по отношению ко всему тому фактически подчас уж всеильному социальному злу, что довольно-то частенько скрывает всю свою лютую суть под некой весьма благовидной личиной.

Да еще и присутствует в той всегдашне всех благ самозабвенно жаждущей душе современного интеллигента самое явное нежелание приоткрыть свои прекрасные очи на совершенно так ему неизменно постылую и во всем всегдашне невзрачно суровую действительность.

Отрицание всей ее подавляющей роли в исключительно насущном формировании всей человеческой личности есть основа основ всякой оторванности российской интеллигенции от всех-то своих сколь и впрямь вполне вот естественных для нее корней.

71

И все дело тут именно в том, что «здро́во по́верхностно мы́слить и рассу́ждать» явно так еще окажется куда только весьма значительно легче и всецело проще.

Однако сколь ведь то еще будет весьма же прискорбно для всего того в этой жизни более чем неприметно нас окружающего, коли возвышенные умом и чувствами интеллектуалы более чем взвешенно, обдуманно и бесповоротно разом всецело отвернутся от всех тех истинно невзрачных реалий нынешнего века...

И ведь именно это наряду со многими прочими тяготами безлико серого общественного бытия и является признаком века, когда люди умственного труда в погоне за призраками идей занялись самыми яростными поисками всяческих паразитов на всем том безмерно широком общественном теле.

Ну а на этой почве и возникают затем в превеликом множестве до чего и впрямь-то различные ужасные социальные драмы и конфликты.

Ну а причины их именно в том, что все то пресловутое новое более чем искусно было натравлено и спущено с цепи...

А старое, между тем, кроме пут окаянного рабства, еще и являло собой силу, явно вот сдерживающую всеильную и безудержную анархию.

Ну а она и впрямь-таки убивает совесть и мораль, даря свободу только лишь во имя убийства и вездесущего разрушения.

Причем все ведь и впрямь до чего только прозаично началось именно с той еще оторванности от всех настоящих реалий жизни.

Внушения еще с малолетства принципов восторженно упоенного отторжения от всего того, что совершенно уж никак не является плодом старательно выпестованного воображением яркого и блистательного мира светлых, художественных образов.

72

Ну а результатом отсутствия буквально всяческого уважения к чужому видению мира не столь во всем и редко становится именно абсолютнейший эгоцентризм людей, коим их догматические воззрения были вбиты в голову при помощи молоточка (не того, что у невропатолога).

Автор всецело так абсолютно уверен, что именно этот фактор и сформировал весьма устойчивое мировоззрение большинства идеалистов экстремистского толка.

Фанатичная, а к тому же еще и крайне педантичная, лишь сама себе преданная, эта сущей простоты искренняя привязанность к какой-либо изысканной, абстрактной идее вообще ведь нередко превращает людей, по всей своей исконной природе искренне добрых, в лютых и жестокосердных злодеев.

73

Ну а вящей первопричиной всей этой их доблестной увлеченности чем-либо «космического масштаба и космической же глупости»» (по словам Булгакова) вполне может оказаться именно то, что неудачи в жизни или любви попросту донельзя изменяют весь их внутренний первоначально чрезмерно ведь благодушный настрой.

Это выражение классика само собой более всего непременно до чего только безжалостно прилипает, словно банный лист, к лицу всех тех идеалистов крайне экстремистского толка.

Это ведь именно они искрометно и восторженно желают буквально все до чего безотчетно и бесповоротно разом переменить.

Да еще и более чем однозначно именно, что с ног на голову, да только при этом делают они это как раз-таки во имя истинного торжества самой доподлинной справедливости, как и донельзя абстрактного блага народа.

Да, то на деле и впрямь самая безукоризненная правда, вся та окружающая их убогая действительность более чем неизменно растравливает им души всей своей до чего немой мольбой о сколь неизбежном в дальнейшем, полнейшем так своем более чем скорейшем исключительно явном положительном видоизменении...

И это именно вследствие всех тех крайне болезненно перенесенных ими душевных страданий они и становятся антагонистами, буквально все уж то прежнее разом желающими смыть кровью тех, кто явно так за все то безобразие во всем этом мире буквально-то единолично, значит, всецело в ответе.

И мысли эти еще явно высекут из искры высокое пламя, начисто сжигающее все то минувшее и некогда безыдейно бывшее.

Нынче само собой ставшее несколько непотребным и более чем радостно безыскусно лишним.

А ведь все это пришло вовсе не с низов, а спустилось оно с небес возвышенной правды, рвущей души буквально-то на самые мелкие куски.

74

Причем вся эта так называемая «правда» – не более чем низкая и подлая ложь в одежке острой социальной демагогии.

Она, подняв бурю в обществе, разве что только лишь создает одни миражи, превращая существование масс в блуждание в безводной и знойной пустыне.

Однако никак нельзя забывать, о том, что цепи самодержавного тиранства были перетерты народом именно потому, что был он ими донельзя издревле стеснен.

И его царским указом из них нисколько не освободили, а разве что вывели из прежних рамок, но свободы у него от всего этого почти так нисколько никак не прибавилось.

Народ продолжили держать в точности в той жесткой узде.

Причем исключительно то же самое вполне ведь однозначно касалось, в том числе и всех тех нерадивых (с точки зрения власти) студентов царских времен, коих порой после довольно-таки незначительного участия в каких-либо митингах с великим позором вышвыривали за ворота их собственных университетов...

А раз кого-то столь сильно обидели, отчислили бедолагу из родного его университета, то потому он и станет под флагом идеи, что до чего сладкоречиво всем и каждому в три короба явно так еще сколь многое смело наобещает.

А дабы всего того действительно уж хорошего явно добиться, и следует еще весь этот мир с ног на голову до чего и впрямь ведь посилено перевернуть.

И уж сделано это будет именно ради одного лишь сколь благодатного его избавления от абсолютно всякой в нем въедливой несправедливости.

75

Ну а кроме того, эдакие деятели фальшивые народники, как Нечаев, совершенно сознательно не давали перебродить соку молодости, ну а впоследствии попросту уйти в зыбучие пески времени.

И дело тут, собственно, ведь вот еще в чем: страдания народа всецело близки интеллигенции разве что тогда, когда она чувствует себя в чем-то несправедливо ущемленной в правах, скажем, во всем ее социально-экономическом состоянии.

Ну а если этого нет, или она к тому загоя давно уж, болезная, неизменно привычная всем-то печальным опытом своей обыденной повседневности, то, ясное дело, бунтовать она тогда совершенно так вовсе нисколько не станет.

А тем более пройдя через нескончаемо мучительную неволю и хлебнув там вдоволь лиха, она до чего, непременно, окажется послушным инструментом в опытных руках ярых последышей тех беспечных, мечтательных и наивных фанатиков, что использовали террор для накаления страстей в обществе, довольно искренне ожидая непомерно большого грядущего счастья для всех вот и каждого.

А между тем они чем-либо разве что подобным, собственно, ведь еще и поспособствовали созданию вполне полноценной базы для всей-то последующей антинародной диктатуры.

76

Ну а наиболее существенная первопричина всех бед и несчастий вовсе так совсем не в наличии безмерно отягощающих всеобщую судьбу отъявленных разжиревших на народных харчах негодяев...

Хотя надо бы и то непременно ведь более чем отчетливо подчеркнуть.

И люди уж точно вот такого сорта, каковыми и вправду подчас были, некоторые из всех тех бывших господ буквально-то сразу нисколько не преминули воспользоваться безвозмездной услугой все тех бедолаг – праздных мечтателей.

Эти благодетели народные ради воплощения светлой идеи запросто еще были готовы совершенно безвозмездно пролить море крови мнимых угнетателей всего того, как он только есть, трудового народа.

Нет, конечно, вовсе не в них одних тут все было дело, а прежде всего, вся беда заключалась именно в явном отсутствии всяческих истинных истоков милосердия, издревле не насаждаемых ни религией, ни чересчур так порою невпопад (совсем не тем, кому то в действительности было бы надобно) милостивым государством.

А как раз с точностью до наоборот, в России закон палки и кнута от века и до века непременно являлся всенепременным и основным каноном общественного бытия и в 19 веке, он претерпел лишь одно то весьма заметное и довольно существенное изменение.

77

Раз своих бить по-старому стало вовсе уж более нисколько нельзя, так давай, значится, за чужих сегодня всенепременно весело примемся... А именно потому еврейские погромы и стали для народа именно той отдушиной, самым явным просветом в весьма же донельзя темном царстве его сколь абсолютного бесправия...

Вот как описывает это великое зло (и для душ погромщиков тоже) великий еврейский писатель Шалом Алейхем в одной из наилучших его книг «Мальчик Мотл».

« – Не знаешь, что такое погром? – удивляется Коппл. – Эге! Стало быть, ты совсем еще сосунок! Погром – это такая штука, которая теперь бывает повсюду. Начинается это с пустяков, но уж если начнется, что тянется дня три подряд...

– Но что ж это такое? Ярмарка?

– Ярмарка! Хороша ярмарка! Вышибают стекла! Ломают мебель! Вспарывают подушки! Пух летит, как снег!

– А зачем это?

– Вот те и здравствуй! Зачем? Громят не только дома, – громят и лавки. Выбрасывают на улицу товар, топчут, грабят, рассыпают, потом обливают керосином и жгут.

– Да брось ты!

– А ты как думал? Что же я выдумывать, что ли, стану? А потом, когда грабить уже нечего, ходят по домам с топорами, ломами и дубинами. А полиция ходит следом. Поют, свистят, кричат: «Эй, ребята, бей жидов!» Бьют, убивают, режут, штыками колют...

– Кого?

– Что значит «кого»? Евреев!»

78

Надо ли говорить, что все эти бесчинства вовсе не были спонтанной агрессивностью русского народа против евреев, а всегда этак они являлись весьма тщательно спланированным науськиванием антисемитской державы, использующей двойные стандарты для самых различных национальных групп, еще ведь издревле проживающих на территории гигантской империи.

Инородцев прищучивая, тогдашняя власть всегда стремилась как раз ведь к тому, чтобы свои холопы нисколько не разбрёдались и с цепей своих только лишь в дозволенных ею (властью) рамках, да и то совсем уж ненадолго срывались.

Именно те извне подогретые, полностью беспричинные и до чего бесчисленные погромы и могли, собственно, поспособствовать временному забвению русского народа, «выходу из него пара», поднакопившегося в нем из-за всех тех его сколь извечных горестей, крайне во всем угнетенного состояния его-то вполне однозначно повседневной жизни...

79

Царская власть именно так подобным совершенно бесславным путем – на час – даровала русскому мужику полнейшую свободу...

Именно этак и давали ему позабыть обо всех его душевных мытарствах.

А они, между тем, извечно же, как есть, изводили все его нутро в свете униженности и кабалы, более чем неприглядно берущих все свое начало именно от той всегдашней и безвременной скудности всего его бытия.

Ну а последнее было всецело порождено поголовным закабалением масс в путях чиновничьего и помещичьего разбоя и разврата.

Вот как пишет обо всем этом Вадим Александрович Прокофьев в его публицистической книге «Желябов» серия ЖЗЛ:

«Еврейский писатель Бен-Ами во всем обвинял темную стихию толпы, которой подсказали объект нападения. Желябов спорил с ним, считая, что виной всему бесправное гражданское положение еврейства – частный факт общерусского бесправия. Погром – это только линия наименьшего сопротивления, по которой направилось недовольство существующим политическим и экономическим строем».

И каков уж всему тому был наиболее конечный итог?

Избавляясь от временных трудностей с расsvирепевшим народом, царское правительство само ведь при этом клало свою голову под топор грядущей революции.

Евреи, наслышанные от родителей и родственников о погромах, а также прекрасно знающие обо всех их истинных первопричинах, вполне так естественно затем уж становились ярыми врагами самодержавия, и ничего тут удивительного в этом попросту нет.

Однако вот, между тем, становились подобного рода яростными вершителями чужих судеб вовсе-то не все, а лишь некоторая сыромятная выжимка...

Но теперь кое-кто обвиняет именно всех до единого за одну разве что явную чью-либо более чем бесправную национальную принадлежность.

80

Ну а на самом-то деле всех же национальностей там неизменно в принципе вполне вот хватало.

Было, можно сказать, впрямь-таки хоть отбавляй!

Раз уж это именно люди, безо всякой меры безумно обиженные на всю ту яркую несправедливость, царившую в тогдашнем еще дореволюционном обществе, как и ослепленные лично их извечно так преследующим зловещим роком злосчастной судьбы...

Это ведь именно подобного рода деятели вселенского добра и захотели весь этот мир себе в угоду полностью раз и навсегда отныне переиначить.

Ну а для этого буквально каждый бедствующий член общества должен был именно то еще свое за века у него до этого нагребленное наскоро так, куда только справедливее, более чем бессребренно перераспределить.

Понятно, что как есть при этом полностью уничтожив всех до единого врагов грядущей своей славной и светлой судьбы.

И уж прежде всего, ясное дело, всерьез озаботясь именно о великом счастье как раз-таки еврейского народа.

А между тем были все те большевики до самого исключительно гнусного своего нутра сколь беспамятно до всяких же своих корней исключительно праведными интернационалистами!!!

Им-то попросту было вовсе совсем так без разницы, какую именно контру до чего беспощадно и более чем бессмысленно разом изничтожать.

Ну а кроме того, очень многие чрезвычайно угнетенные российским чиновничьим бездушием народы были вполне вот по-своему в чем-то причастны к разрушению всей той истинно великой российской империи...

К примеру, динамит, которым частенько взрывали царских министров и полицмейстеров почти что в открытую, изготовлялся в тогдашней Финляндии.

81

Финнам вполне уж искренне тогда захотелось полностью так полноценной их грядущей независимости, а потому они и были кровно заинтересованы в самом максимальном ослаблении тогдашней российской империи.

Да и поляки тоже тогда во многом довольно-то резво весьма отличились.

Никто ведь, кроме разве что какого-нибудь яркого и лютого юдофоба, безусловно, способного различить семитские черты даже и на лице первого российского президента Бориса Ельцина, не припишет Феликсу Дзержинскому еврейские корни, поскольку он самый типичнейший поляк.

А полякам, кстати, было за что возненавидеть всю Россию, так же, впрочем, как и самого разного рода племени кавказцам.

Так что вовсе не все революционеры были именно евреи!

Совсем уж не были те несомненно именно что несносные дикие выродки в хоть сколько-то гордом одиночестве, как, то и впрямь видится некоторым сторонникам беспардонного национального заговора против всей России и русских людей.

К тому же украдкой отведенное в безопасное русло «общественное зло» все равно ведь прекрасно осознает все корни самых еще изначальных своих бед и несчастий.

А потому хитроумно укрощенная народная стихия лишь на время несколько затихает, но вовсе не исчезает.

А кроме того, простой мужик – совсем не дурак, а посему и прелюбопытно ему то известно, что ему явно уж дают вволю набедокурить только затем, дабы впоследствии он в полнейшем спокойствии еще бы вернулся к своему до чего всегдашне вот до чего только изнурительному для него ярму.

82

Нет и не было на Руси никакого национального восстания или заговора против самодержавия – просто люди, многие гонения в этой жизни безвинно претерпевшие, частенько живут одной лишь надеждой на великое чудо и начисто при этом отметаю все объективные критерии того, что, в сущности, и есть светлое добро и темное зло.

Их довольно легко будет заманить в иго нового рабства, надо было разве что, сладкую дрему им на очи исключительно так ласково наведя, до чего только многое им исключительно еще многозначительно наобещать, сказки порассказав про житье-бытье в некоем более чем абстрактном, совершенно неопределенном грядущем.

Светлое завтра – оно вот, словно мираж в пустыне, запросто может еще вести вовсе не одно только поколение аппетитно хрустящей, несуществующей (абстрактной) морковкой, хотя вместо нее на зубах и будет хрустеть разве что тот сколь вот горячий песок.

83

Как и понятно, великое в своей неистошимо непоколебимой тупости зло, каковое было припасено (выродками рода людского) для нищего народа под видом святого добра, является разве что тем еще бумерангом более чем неизменного стародавнего невежества.

Этот гиблый туман надуманно бездумных грез обманул не одних только тех, к кому он протянулся рябью и зыбью весьма же сомнительного спасения из трясины векового рабства, нет, и те, кто его нагнетали, подчас пострадали никак не меньше.

И, разумеется, что все эти сказочной непристойности революционные бредни были загодя еще довольно-таки основательно внушены, и можно даже сказать, насильно вживлены в российское общество кем-либо явно исключительно извне.

Наверное, прочим членам Антанты виделось в том еще самом розовом свете сколь так значительное усиление влияния российской государственности на большой международной арене...

84

Ну а главные заправилы всеобщего осатанелого энтузиазма сеяли одни лишь быстро всходящие семена всенепременного нового лютого разобщения...

Они вовсе не выкорчевывали корни старого рабства, а этак-то заново их еще раз идеологически укрепляли в куда явно более суровых и жестких рамках новоиспеченной несвободы, уж той, значит, самой, что была сколь однозначно весьма вот похуже всякого прежнего крепостничества.

Поскольку рабство перед светлым ликом идеи – в любом случае куда явно более лютее (и не только вследствие непослушания) сущее рабство, нежели чем была та самая исключительно вот наглядная надобность держать уж ответ пред самым глухим к людским мольбам, осатанело злым барином...

Кто-то, быть может, что-то на данную тему глухо и верещал, однако народ свой он этим нисколько никак не застращал.

Раз уж был он всецело далек от ума и сердца своего почти что ведь поголовно неграмотного общества, того, значит, самого коему совершенно не давали ни ученья, ни живительного кислорода каких-либо истинных человеческих свобод.

85

А между тем беспечная вера в великое чудо свойственна практически всякой серой и недалекой необразованности.

И это именно она подчас беспечно и беспочвенно всецело нивелирует все скучные и крайне нелицеприятные логические выводы самого уж до чего и впрямь простейшего житейского ума.

Главное – это, значит, как следует еще сколь и вправду до чего только задушевно подготовиться к будущему великолепию с солнцем, восходящим на западе светлых идей добрейшего гуманизма.

Ну, а пока суд да дело, и можно уж, значит, совершить во его светлое имя хоть какой-нибудь должный подвиг, пускай и на своем личном фронте.

А вот ежели светлого чуда так и не произошло, то это разве что одно явное следствие исключительно чуждой всякому праведному духу злобной воли, а и тогда одна лишь та черная, сгустившая кровь и смоем нанесенное оскорбление до чего безмерно опостылевшим, тупым бездействием.

86

Или в некоем ином смысле действиями, явно так выходящими за рамки чьих-то довольно узких и ограниченных представлений обо всем нас действительно же окружающем мире.

А между тем обрамленная золотыми рамками вера в лучшее и светлое – не более чем груз пережитых впечатлений от всего того, чего на самом деле в этом мире пока еще никак, собственно, вовсе ведь нет.

Ну а его и впрямь исключительно малые блики, безусловно, касаются своим ярким мишурным блеском разве что той довольно-то малой части от всего того вдоволь же имеющегося народонаселения.

Хотя то вполне однозначно должно быть понятно, что когда-нибудь нечто подобное все-непременно еще себя всецело проявит посреди самых простых житейских реалий, однако далеко не сразу и вовсе так не везде одновременно...

87

Вот даже если взять и подобного рода самый элементарный житейской пример; уж для того, чтобы действительно горели все лампочки на новогодней елке, должна была оказаться цела вся электрическая цепь, а не какая-то сугубо отдельная ее часть.

Ну а иначе после сгоревшей лампочки ток далее никак не пойдет.

И действительно буквально ведь все начинается, а затем и завершается внутри каждой конкретной отдельной нашей индивидуальности.

Однако никому бы совсем так не следовало именно самого себя всесильно обожествлять, причем только за то, что он или она, будучи еще с детства к тому стойко приучены, сумели же приобрести внешний облик исключительно высокой духовности.

А между тем будь обстановка в чьей-либо семье несколько иной – и уж тогда вполне вероятно, что от всего этого их безбрежного богатства чувств остались бы одни лишь жалкие, совершенно ничтожные ошметки.

88

Так что вовсе незачем кому-то до чего и впрямь бесцеремонно и бессмысленно демонизировать людей, не получивших даже и самых элементарных знаний о хоть сколько-то правильном поведении в высококультурном обществе.

И то ведь, кстати, более чем зловредная неправда, что истинная чистота возвышенных помыслов всецело удесятеряет силы по достижению благих целей в его очищенном «от всяких примесей житейского ума» виде, она их, несомненно, разве что еще и отравляет жесточайшей жестокостью ранее вовсе так совершенно и невиданной...

А между тем для подлинных, а не липовых перемен в области духовности в гору вполне вот однозначно следует подниматься буквально-то вместе со всеми, никого при этом не таща за собой одной только силою, руководя всем этим процессом железной рукой...

А уж поначалу надо бы еще туда взойти самому и не в одних лишь своих самых так наилучших помыслах...

Причем для этого окажется, нисколько не достаточно попросту изменить всю свою душу, дабы ее чисто внешняя сторона стала чистой и доброй, поскольку надо бы еще при этом и не утратить связь с грязной и болотистой почвой, что всегда располагается где-то у нас под ногами, и ею вовсе не следует излишне пренебрегать.

89

Однако когда те самые широко образованные люди чересчур склоняются над страницами сколь многозначительно светлых книг...

Уж совсем не иначе, а от подобного рода занятий мир в их весьма благонаправном сознании сам по себе внезапно становится одной лишь разве что трафаретной заготовкой мира настоящего, до которого как оказывается впрямь-таки рукой подать, достаточно только вериги прошлого враз ведь оземь обрушить – и всего делов.

А между тем если что при том и меняется, так это только вся геометрия общечеловеческого бытия.

А потому то, что до сих пор было именно полом, ни с того ни сего становится потолком во имя всех тех навеки вечные проклятых «краснознаменных идеалов».

А между тем то может так и остаться совершенно незамеченным для всех тех великих специалистов в области сколь чудовищного раскабаления извечной тяжкою своею юдолюю забитых масс...

Тут уж надо бы самым недобрым словом вспомнить всех тех господ прекраснодушных фанатиков, попросту вот взявших себе на щит все те весьма изящно позолоченные принципы книжного идеализирования, всей той до чего беспардонно самой вот по себе существующей действительности...

А этак и вполне реальное зло посеять нисколько уж вовсе совершенно не долго...

И ведь всем им подобным именно что исключительно вот восторженно радостно кажется, что сама по себе чистота высоких духовных помыслов и изумительно светлых чувств заранее уж и предрешает совсем неотложно затем последующую величайшую грядущую победу вселенского добра над всем тем необъятным, только лишь по всяким темным углам неизменно прячущимся злом.

90

Зло, однако, можно разве что только именно так, постепенно, изжить, однако враз уж его искоренить никак так ни у кого нисколько не выйдет.

И все то невежественное собственничество чего-нибудь путное еще когда-нибудь, непременно, в конце концов, обязательно еще породит.

Да только чисто физически его истребить не вместе со всеми его подчас совершенно так наивными носителями практически нисколько-то совсем невозможно.

А между тем идеалистам, потребителям чьей-либо явной чужой живой души и сердца, более чем верно грезится на той-то самой дико далекой линии горизонта...

Что это именно им там более чем зримо видится?

Да вот то самое великое светопредставление, что раз и навсегда положит конец, послужив наиболее верным путем полнейшего изведения всех крыс, сколь беззаботно ныне копошащихся в буквально необъятной общественной клоаке.

91

И, главное, все кто этим займутся, непременно окажутся явно превыше всякого правого или неправого правосудия, раз эти деятели вселенского добра, безусловно же, осуществят свой «наивысший суд» над всяческим гадким, омерзительным и, несомненно, скотским недобром по одному только суровому наущению всей своей кровоточащей и безглазой пролетарской совести.

А между тем у них со всеми теми наиболее наихудшими из всех повелителей серых масс, что когда-либо были до них, неизменно так существовало чрезвычайно много действительно общего.

Уж разве что они с ними местами вполне так всерьез без году неделя поменялись – ничуть ведь, однако нисколько не более.

И, кстати, наиболее действительно стоящая первопричина почти что всякого (не хитроумного) злодейства зачастую заключается в одном лишь безмерном невежестве всех тех, кто пассивно (или даже активно) принимают в нем свое самое более чем непосредственное и прямое участие.

И поскольку все это именно так, а никак не иначе, то это как раз уж невежество и надо бы повсеместно усиленно искоренять, прибегая к насилию разве что лишь там, где слова совершенно бессильны или они ничем уж никак не помогут смыть нанесенное кому-либо чудовищное оскорбление.

92

Ну а безоглядно и безоговорочно сколь вот наглядно вообразить себе весь этот мир в качестве грубой заготовки, что может и впрямь-то вскоре окажется со всех видимых сторон до чего только умело и запросто обточена, да и полностью перерождена к чему-либо несусветно невообразимо наилучшему...

И главное все это полагалось сделать именно на скорую руку, и никак не иначе.

Да и прийти к чему-либо подобному было, как оно оказывается, разве что только вот можно одним тем еще неистово яростным благосердечно житейским хотением.

Причем сколь однозначно все это было до чего только вполне неразрывно связано именно с мыслью великих мудрецов, яростно абстрагирующихся от всякой скверны общественной действительности.

Среди праздных философов всегда уж хватало и таких, что, создавая свои трактаты, попросту сами и выдумывали весь внешний мир.

Ну а их просвещенные почитатели явно еще постарались затем до чего только верно подогнать все реалии жизни к чьим-либо личным совершенно блажным о них фантазиям.

И они и вправду были готовы неким весьма мощным залпом сразу из всего, что только могло, неистово выпалить холостой дым в сторону всего того общественного зла уж в единый миг с ним безвременно сурово навсегда так покончить.

А между тем подобного рода всецело утопических взглядов вполне могут придерживаться одни лишь те люди, что и впрямь в упор во все глаза глядят на крутой серпантин, ведущий вверх в то самое ни для кого из нас пока еще вовсе неведомое грядущее... А между тем все-то никак не обязательно, что нам действительно некогда явно предстоят именно светлые дни.

93

Хотя уж на деле на наш сегодняшний день, безусловно, полностью так стало ясно разве что лишь то ведь одно.

Никаким тем еще до чего вот абстрактным теоретическим выкладкам попросту уж никак нельзя доверять, пока они сколь так всерьез не проверены на обыденной житейской практике, которая между тем и должна была стать самым неизменным мерилom буквально-то всему на всем белом свете.

И, само ведь собой оно разумеется, что примерять что-либо к реальной жизни нужно было весьма так обдуманно и очень даже осторожно, поскольку народы мира вовсе не чьи-то лабораторные крысы, а тот, кто эту разницу носом своим совершенно не чует, тем более одних лишь великих бед еще разве что затем сотворит.

И ведь ясно как Божий день, что когда в воздухе действительно до чего омерзительно запахнет дымом и порохом, то уж тогда все те блистательные либеральные мыслители всею гурьбой во весь опор враз и устремятся «к спасательным лодкам, беспрецедентно «сматывая удочки» с Титаника своего навеки отныне вот прежнего безмерного своего безрассудства.

94

И именно этак оно некогда и было в то самое время, когда их огромный пароход светлых мечтаний вдруг налетел на айсберг кровавой российской смуты.

Ну а до этого они явно ведь соизволили почивать на лаврах грядущих светлых времен, а уж спали они именно тем крепким, здоровым сном, вовсе-то никак не примечая, как на их совершенно так беззащитную страну надвигается ледяная гора абсолютной анархии и полнейшего беззакония.

Тем достопочтенным дореволюционным интеллектуалам был сколь явно замечен один лишь розовый туман буквально-то неминуемого грядущего блаженства, а потому и витали они в облаках всего своего искрящегося дивным светом сияюще-восторженного оптимизма.

Этот их взгляд на жизнь никак никому из предержащих кнут нисколько не мешал и совершенно не тревожил все то донельзя казенное бездушие абсолютно ведь безнравственных, попросту упивающихся своей властью чинуш.

95

И вот наступили они... – те самые долгожданные перемены во всем политическом климате... Да только обещанного потепления, ласки, вящей заботы о народе и близко тогда никак не последовало, а, скорее, наоборот, на многих неводержанных в словах умников так и подули в те времена ледяные ветры сурового заполярья.

Зато с наружной стороны все тогда выглядело попросту на загляденье исключительно так замечательно!

Однако все это было одна лишь мгла плотно сомкнутых век, тем уж вдоволь вот ласково создающая ничтожные блики восторженно величавых иллюзий...

Сначала люди сколь безоговорочно обязывались верить во все истинно хорошее и светлое что этак-то само еще к ним до чего только вскоре всенепременно нагрянет.

Ну а затем со всем тем попутным течением жизни и самым конкретнейшим знакомством со всеми ее вольными прихотями, они всецело так, в конце концов, изменяли все свое кредо на ретроградность и несусветную косность.

96

Фактически между молодым поколением российской интеллигенции и тем старшим, давно уж вдоволь пожившим свое на белом свете, всегда имелась та самая жуткая разноголосица в плане «доподлинно верного и полностью вот полноценного понимания всех тех до чего только обыденных российских реалий».

Да и вообще в умах тех деконструктивно левых дореволюционных молодых людей неизменно всегдашне присутствовала именно та слепая, доморощенная убежденность в изумительно светлом грядущем родной отчизны.

Причем сами условия по осуществлению на житейской практике всего того, что истинно вот неземным светом сияло из некой книжной проекции, должны были еще сложиться – как раз-таки в свете сурового торжества благих идей.

Ну а эти самые на редкость прочные идеологические цепи «рая социализма» были некогда выкованы именно всеми теми, кто жил заветными мечтами о великом грядущем ПРЕОБРАЗОВАНИИ ВСЕГО КАК ОН ЕСТЬ РОДА ЛЮДСКОГО...

Для них, сколь беззаветно преданных всем своим неистово благим принципам, теориям и мыслям, в том самом радостном насаждении саженцев лучшего грядущего явно так где-то впереди более чем отчетливо грезилась гиблая яма с осиновым колом для всего того прежнего общественного зла.

Поскольку всякое прежнее людское существование являлось вовсе так не более чем жалким подобием чего-либо настоящего и доподлинно человеческого.

97

Ну а во времена сказочно лютого революционного просветления всех тех вмиг же отныне сколь безрадостно минувших серых будней всему тому прежнему явно еще полагалось именно что быть попросту до чего только незамедлительно быстро низвергнутым в тихую заводь более чем безнадежного небытия.

Ну или самому как-нибудь еще рухнуть в необъятно глубокую пропасть сущего забвения всего того безрадостно отмершего былого.

А как то, собственно, само собой уж, так или иначе, понятно всему тому честному народу, было бы явно еще более чем безотлагательно суждено, мельком перекрестясь, с величайшей легкостью спрыгнуть в озеро величайшего и всеобщего райского блаженства.

Да только был ведь там именно что только сухой котлован, а самого озера не было и в помине...

А впрочем, малых размеров водоем там все-таки явно ведь был.

Однако был он предназначен разве что для одних тех и впрямь уж вовсе-то немислимых палачей, а также и пустоголовых трепачей, а всем остальным – кому кайло и лопату, а кому в лучшем случае закуток в большой общей квартире.

98

Ну а началось это все именно с тех до чего и впрямь же бесконечных прений о том, что государство у нас (как оказывается) – безнадежно обветшалое старье и буквально все в нем одна лишь исключительно никак непотребная скверна...

И как раз поэтому всему своему народу эта обреченное тяжестью своих грехов на верную гибель государство попросту никак не дает ему еще изначально от имени нынешнего просвещенного века действительно положенной свободы.

И наконец-то она безумно радостно причалила к нашему до чего уж дальнему берегу...

Ну а началось все это именно с того самого престольного града на Неве.

И какие только чаяния и восторги имели место по ее великому случаю – то была более чем победа...

...то был свет после столетий глубокой подвальной тьмы...

Вот как описывает писатель Марк Алданов те события, что имели место в Москве после того, как трижды несчастливого монарха попросту насильно заставили отречься от своего престола.

А ведь ему, между прочим, попросту никак не повезло с женой, сыном и отцом...

Марк Алданов, «Самоубийство»:

«Февральскую революцию почти вся московская интеллигенция приняла с восторгом: отцы и деды мечтали, наконец, сбылось! Простой же народ обрадовался гораздо искреннее, чем за три года до того войне».

99

Однако этот самый сколь исключительно горький по всем плодам своим день победы над всем тем давно отжившим свое царизмом неизменно был вполне ведь осмысленно подготавливаем целыми явно уж тому до чего только наглядно предшествующими десятилетиями, и не какими-то одиночками, а почти что всем образованным обществом старой России.

Вот еще одно свидетельство Алданова на этот счет.

Речь тут идет об организации знаменитого ограбления Тифлисского банка, с истинно воровской смекалкой обделанного политически верно подкованной бандой Кобы Джугашвили.

Алданов, «Самоубийство»:

«Чиновник едва ли был подкуплен или запуган террористами, – они этим не занимались, никому денег не обещали, да и в свой карман, в отличие от многих других экспроприаторов, не брали: все отдали партии. Вероятно, чиновник тоже ей сочувствовал или же ненавидел правительство, как большинство населения России».

Вот только тут писатель явно привирает, а впрочем, если он и лукавит, то уж делает он это почти что бессознательно, вполне возможно, про то вообще и нисколько не ведая.

Он-то, в сущности, тот ведь самый интеллигент старого дореволюционного закала, что и все другие люди его времени.

100

Большинство жителей той России были людьми сколь однозначно наивными и невежественными, в вопросах политики почти ничего или тем паче совсем уж ничего совершенно не смыслящими...

Сущую непросвещенность простого народа весьма точно отобразила Евгения Гинзбург в ее великого мужества романе «Крутой маршрут»:

« – Так-так... Вот и про меня, вишь ты, наговорили. И прописали: трахтистка. А ведь я – веришь, доченька, вот как перед истинным – к ему, к окаянному трактору, и не подходила вовсе. И чего выдумали -,трахтистка“... Да старух и не ставят на трактор-то...»

101

Политикой большевики тогда оплели всех и вся даже, куда только поболее, нежели чем все ведь свои границы колючкой...

А производное этакого большого успеха и оказалась крайняя политизированность всей той до чего немалой прослойки общества, что и по сию пору все также живет все теми же имперскими иллюзиями...

А та, еще дореволюционная, интеллигенция истинные интересы своего народа вообще вот понимала куда только явно похуже, нежели чем сегодняшние мудрые интеллектуалы, а потому она, обливаясь слюной восторженности, сколь ведь сладостно о нем разглагольствуя, довольно-то частенько принимала себя за него.

Ну а в тот самый момент, когда то безрадостно и тоскливо целый век до этого бесцельно ожидаемое чудо внезапно уж приключилось по всю нашу душу...

Вдруг ни с того ни с сего оказалось, что истинное лицо народа – оно-то на деле беспощадно и неприглядно иное...

И столь оно исключительно гадко и безобразно (в момент своей отчаянной осатанелости), что на него и смотреть никак было нисколько нельзя без сущей ооченелости до самого исподнего своего нутра.

Нетрудно себе представить реакцию человека, живущего принципами, догмами, идеалами, при том самом его более чем однозначно же нечаянном столкновении с тупой и совершенно обесмыслившейся толпой, вполне однозначно жаждущей разве что лишь того одного... А именно – разорвать бы кого-нибудь на мелкие куски, а кого именно, не столь вот и важно.

102

Однако все ведь свои более чем конкретные очертания это суровое устремление приобрело как раз-таки от всех тех патетических возгласов всякого рода несносных любителей покивать на сколь «высоченные стены Бастилии», которые им непременно надо было до чего только обстоятельно навек уж разрушить...

А между тем все те непосредственные события имели место разве что лишь из-за исконной безыдейности серых масс, вовсе-то не возглавляемых никем иным, кроме подпольных крыс.

Из тех самых, кому если чего и было в охоту, так это до чего только весело вот натрескаться даровым общественным сыром.

103

И где это вообще была та самая интеллигенция, когда ей, собственно, было уж надо сколь обстоятельно просвещать народ знаниями, да и во всем еще поспособствовать именно его куда явно относительно так большей грамотности.

Ну да она сколь бесподобно ласково всегда стремилась его просветить – именно теми еще воззваниями подняться на борьбу за все то светлое и всецело абстрактно хорошее.

А между тем жила она тогда в своем собственном доподлинно ею изведенном мире радужных грез, а потому и радела только за то, что в действительности по-настоящему понимала, мол, дальше так жить нельзя, и все тут!

Должны были еще попросту сами собой более чем незамедлительно нагрять все те перемены в навеки вечном и впрямь сколь уж крайне так кое-кому опостылевшем облике, всего того стародавнего патриархального общества.

Ну а поскольку сие ему явно было вовсе не по силам, да и совсем не по нраву, то, чего там греха таить, мы его попросту силком взнуздаем, да и к тому еще попросту разом принудим.

А коли кто тому всею своей силой всерьез воспротивится, то пусть ведь тогда он именно сам на себя и пеняет.

104

Да даже и промеж собою по уму обо всем уж здраво договориться, куда еще путь свой держать и вправду так, собственно, будем...

Нет уж, всем тем большим интеллектуалам того времени было нечто подобное вовсе вот совсем не по силам.

А между тем суцкая разобщенность интеллектуальных вождей нации в смутное время – это ведь все равно, что во время пожара на судне до чего безнадежно так обрекать пассажиров на пассивное выслушивание бесконечных дебатов команды – кому чего делать, куда идти...

И достанет ли у них сил вполне уж вдумчиво отреагировать на бессмысленные теоретизирования о самих, так сказать, наилучших принципах тушения пожара?

Пассажиры горящего судна обязательно встанут на сторону и будут отчаянно всеми силами жестоко поддерживать, ясное дело, как раз ведь того, кто на деле окажется буквально из всех наиболее яростен и демагогичен.

105

Поскольку именно подобного рода деятели и сумеют максимально истерично, а также и более чем утопично довольно же запросто во всеуслышание сколь вот радостно наобещать до чего этак, несомненно, поболее всех тех прочих прагматичных и трезвых.

И сколь неизменно все эти ревнители ядовито серой демагогии искрометно ликующе пренебрежительно относятся ко всякому вовсе вот стороннему им здравому уму.

Попросту до чего безоглядно навязывая именно свою собственную оценку всего того происходящего на палубе объятого пламенем корабля.

И ведь ни в чем не поможет тем трезвомыслящим людям все то их неизменно прагматичное следование практической сметке, а не одному тому отчаянному – а также, в конечном итоге, попросту уж паническому – инстинкту.

Ибо люди в припадке жажды спасения именно ведь своего собственного брэнного существования очень даже быстро порою довольно заметно теряют всяческий всецело свойственный им в обыденной житейской обстановке светлый ум.

И главное тут еще и то, что все те озлобленно и вопиюще завзятые горлопаны непременно так еще более чем ответственно заговорят с совершенно обезумевшей от страха толпой на одном и том же весьма развязно скотском языке.

106

Вот как описывает предреволюционные годы Пьер Жильяр; и очень даже на то явно похоже, что он не только был превосходным учителем царских детей, но и Россию действительно понимал, в отличие от абсолютного большинства интеллигентов, на ее земле разве что только ненароком родившихся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.